

Гера
Фотич

ФАТАЛЬНЫЙ

АБОНЕНТ

Гера Фотич

Фатальный абонент

«Автор»

2015

УДК 82.31
ББК 84(2Рос = Рус)6

Фотич Г.

Фатальный абонент / Г. Фотич — «Автор», 2015

ISBN 978-5-00025-057-0

Данная книга в 2016 года стала финалистом Международной премии Николая Гоголя. Михаил Булгаков был прав – никогда не разговаривайте с неизвестными! Но если вы думаете, что телефон сможет гарантировать безопасность и оградить от неприятностей, то... сильно ошибаетесь! Его использование увеличивает риск! Ведь это только голос – его можно изменить, или просто солгать! Преступник прикинется долгожданным родственником, а близкий друг предаст! Роковое сообщение достанет вас в любой точке планеты. И кто знает, быть может, именно этот абонент окажется фатальным – его новость перевернёт вашу жизнь! Герой повести «Фатальный абонент – 1» – отставной сотрудник милиции – оказывается в Бразилии. Жаркое солнце, карнавал в Рио-де-Жанейро, жизнь на Амазонке... Всё это было бы увлекательно, если б не оказалось вынужденным бегством из России. Спасением от угроз бандитов и предательства бывших коллег. И только покинутая любимая женщина может звонить ему. Но все сообщения – сплошные неприятности, ведущие к гибели... Но если в тебе есть вера – ты увидишь путь! Он приведёт тебя домой! Герой второй части – опытный мошенник. Представляется по телефону родственником, попавшим в беду, умоляет помочь – дать денег. Как случилось, что поездка в Монголию превратила благополучного мальчика в закоренелого преступника? Неожиданно столкнувшись со своим прошлым, он получает возможность отомстить...

УДК 82.31
ББК 84(2Рос = Рус)6

ISBN 978-5-00025-057-0

© Фотич Г., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Фатальный абонент – 1	7
Глава 1. Лили	7
Глава 2. Полгода назад	12
Глава 3. Рио-де-Жанейро	14
Глава 4. Требуется помощь!	19
Глава 5. Неприятности продолжаются	22
Глава 6. Оперативное внедрение	26
Глава 7. Знакомство	29
Глава 8. Притон	34
Глава 9. Ночь в Рио	37
Глава 10. Задание выполнено	42
Глава 11. Воспоминание	45
Глава 12. Скрытая угроза	51
Глава 13. На Амазонке	53
Глава 14. Спектакль поневоле	58
Глава 15. Жизнь на пароходе	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Гера Фотич

Фатальный абонент

Все события и персонажи вымышлены, любые совпадения случайны.

© Гера Фотич, 2015

© ИТД «Скифия», 2015

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Фатальный абонент – 1

Глава 1. Лили

– Понто прамо? – спросил Михаил в телефон, произнеся слова в нос. Исказив голос до отвратительной самому себе гнусавости. После – замер. Сжал трубку, держа большой палец на красной кнопке. Сосредоточился. Превратился в единый чувствительный рецептор, чтобы в мгновение распознать чью-то речь – при необходимости оборвать связь. Ну же! Ну!..

Он не помнил, где подхватил это иностранное выражение, которым откликнулся на звонок, что оно означало и на каком языке. Быть может, услышал ещё в самолете от случайного пассажира или уже по прилёте в Бразилию. Но почему-то зацепилось в памяти крепко.

В динамике – голос Лили. Как всегда, наивно звонкий, непосредственный:

– Алё-алё!.. Можно позвать Миха...

Вздыхнул. Надсадность улетучилась, мог бы расслабиться, но...

– Лили!!! – шепчет он с досадой, так вымученно и пронзительно, что рядом стоящие граждане начинают оборачиваться. Опасливо озираясь, шагнул в закуток запасного выхода аэропорта. – Я же просил...

Только этот голос теперь связывал его с родными, друзьями, с тем, чем жил все последние годы. Неужели последние? 2013. Чёртова дюжина всегда приносит неприятности. Ощущение опасности, которой он себя подвергал, не смогло затмить нахлынувшие удушливые объятия тоски и опустошаемой унылости.

– Ой, прости, Мигель! Я не узнала твой голос. Сразу поняла, что СМС пришло от тебя. Как самочувствие? Где ты? Уже приземлился? Как погода? – но тут же затащила Михаила в собственную реальность. Стала пискляво визжать: – Черт! Этот козел подрезал меня! Ты чего ослеп, старый пень? Уже джипаря не видишь на дороге... Бар-ран... Ну а ты-то куда лезешь на своём ведре... Место, что ли, освободилось?..

И даже этот далёкий знакомый взрыв возмущения Лили не вызвал, как обычно, снисходительную усмешку, а только горечь необратимости того, что случилось. Обморочное осознание – Лили нет рядом и не будет так долго. А может, навсегда. А значит, не будет ничего, ничегошеньки... Он и раньше говорил с ней по телефону. Но это звучало ощущением елейного упования предстоящей встречи. Теперь – пропасть. Как чёрная дыра, которая поглотила всё, чем он жил, что было дорого. А вместе с этим её лицо, руки, а через минуту исчезнет голос...

Михаил понял, что Лили едет на его «Лексусе». Она всегда ругалась за рулём. Именно за рулём, в иных случаях – плаксиво жаловалась. На водителей других авто, на гаишников, на погоду, пробки, светофоры и разбитые дороги.

Нет, был один момент, когда на неё что-то нашло. Весь путь она молчала. Сосредоточенно сопела как паровоз, а затем свернула на стройплощадку, проехала вдоль забора в самый дальний угол и там, заглушив машину, стала расстёгивать ему брюки. Это было нарочито грубо. Но Михаилу нравилось, когда его хотели, желали именно так. Без жеманства и компромиссов. Целеустремлённо, словно на распродаже новой электроники. Он не сопротивлялся. А потом долго нежно гладил под кофточкой горячую спину Лили, чувствовал испарину, когда она прижалась обессиленная. Обнимала за шею, сидя на нём, как на стуле – лицом к спинке.

Пять лет назад, когда исполнилось сорок, Михаил ушёл в отставку. В то время Лили до услуги оставалась десятка, которая как раз определяла разницу в возрасте.

За время знакомства она успела сойтись с парочкой коллег по цеху. От одного даже родила. Но замуж не вышла. Все время возвращалась к Михаилу. Он принимал её всегда, даже если для этого приходилось выпроваживать очередную подружку. Своей неуёмной упертостью

и вожделием существования она напоминала маленький гвоздик, торчащий из тела жизни. Всеми силами старалась удержаться. Жаждала, чтобы кто-то вбил её поглубже. А лучше под самую шляпку – понадежней, навсегда. Но удары наносились косо, вполсилы, невпопад.

Лили была маленькой курносой девочкой. Стриженной под мальчика. И в двадцать, когда он впервые принёс ей документы на подпись. И в тридцать пять, когда вчера, прощаясь, целовал её в Пулково, передавал ключи от квартиры и машины. Видел её непонимающие глаза, удивленно поднятые брови, приоткрытые губки. Их вид всегда манил. Её взгляд не отпускал. И он подумал, что надо еще что-то сказать. Не мог подобрать слов. Глядел по сторонам, искал помощи у строгих полицейских, симпатичных стюардесс, проходивших мимо, в шуме зала, радостных криках встречающих. Но ничто из этого не соответствовало томлению его души, и, дабы прекратить поиски, он резко повернулся, чтобы идти. Почувствовал, как она разгладила сзади куртку, собранную в складки сиденьем автомобиля. Лили всегда так делала – проводила ладошкой от лопаток через талию вниз. Продолжала растерянно молча стоять за красной ленточкой ограничителя, не успев опустить руку – он ушёл слишком быстро. И ладошка, съездившись, замерла, обвисла лепестком на уровне груди, словно подставляя себя для мужского поцелуя.

А он уходил к стойке регистрации. Продолжая чувствовать спиной её пальчики. В глазах мутилось. И думал, что же он сделал такого. Что же такого сделал? За что? Оглядывался. Смотрел. Смотрел и видел расплывающиеся очертания. То её всю, то частично – остальное прикрывалидвигающиеся фигуры. То закрывшего её полностью огромного толстяка с лоснящейся улыбающейся физиономией, толкающего тележку прямоком за Михаилом. Словно преследующий локомотив неприятностей – не остановиться. И... всё.

За время их общения много чего произошло. Только никогда не было скандалов и ссор. Быть может, она отыгрывалась на других своих знакомых? Встречи были полны нежности и заботы. Ей нравилось ухаживать за таким большим взрослым. Встав на цыпочки, заботливо повязывать шарф, интересоваться, что он ел на обед и завтрак. Не болит ли у него что-нибудь.

Михаил улыбался в ответ. В основном молчал. Ему нравились эти ненавязчивые, ни к чему не обязывающие вопросы. Казалось, они заполняли её всю, и он боялся перегрузить Лили ответами. Сломать её спрашивающий механизм.

Несмотря на такое долгое и бесконфликтное общение, они так и не поженились. Даже продолжали раздельно жить. Он в своей студии в центре. Она – на краю города, с родителями, маленьким сыном и старой слепой бабкой.

Теперь он уже не помнил, была ли это любовь, когда впервые увидел Лили в дежурной части ГУВД. Или только душевный восторг и смятение от созерцания необычной внешности девушки. Воплотившей в себе мечты о далёких и недоступных тогда женщинах Юго-Восточной Азии. Смуглая брюнетка с высокими скулами, пухлыми соблазнительными губками и озорным взглядом черных раскосых глаз. В обтягивающем уставном сером платье, выгодно подчёркивающим её стройную фигурку. На плечах – погончики сержанта. Росточком по грудь Михаилу и легка как пёрышко для его центнера мышц и почти двухметрового роста. В шутку он обещал свозить её в Париж. Но не сбылось.

Несколько раз он видел сына Лили, когда подвозил их в аэропорт, улетающих в отпуск на юг. Но сам оставался. Семья была не для него. Несколько романов ни к чему не привели. За жену ему была служба. Ревнивая и занудливо сварливая. Тревожила, устраивала Михаилу скандалы, будила по ночам, изредка баловала шумными дружескими вечеринками, очередной ступенькой карьерного роста или поощрениями начальства.

Таким образом, долг Родине он закончил отдавать в звании подполковника, заместителя начальника агентурного отдела главка. Отвечал за организацию оперативных разработок, внедрение и систематические отчёты за всё управление, из-за которых никто не хотел занимать эту должность.

Уходить не думал, но очередная реорганизация привела к руководству управлением молодого сотрудника из районного звена, сына старого отставного генерала, подавшегося в депутаты. Михаил получил уведомление о предельном возрасте и, расстроившись от неожиданности, написал рапорт на увольнение. Пенсия, как спасательный парашют, была за плечами. Разовое пособие давало возможность открыть дело.

Под ту же реформу попали и его друзья: подчиненный – начальник отделения внутрикамерных разработок Николай Сиваков и руководитель отдела по борьбе с преступлениями в молодежной среде Серёга Полинов.

Решили втроем организовать бизнес. Открыли фирму, взяли в лизинг пару фур, наняли водителей. Николай был родом из Белоруссии. Отвечал за поставку дешевых овощей и фруктов. Сергей решал вопросы кредитов и логистики, а Михаил поставлял товар на рынки города, поскольку был знаком с несколькими директорами.

За пять лет работы парк грузовиков расширился до двадцати. Был снят офис. Работой занялись профессионалы. А трое друзей делили прибыль и планировали дальнейшее процветание – своё и фирмы. При сложностях с бывшими коллегами обращались к Лили. Она знакомила, при необходимости ходатайствовала, за что получала хорошее вознаграждение.

Пропорционально экономическому росту, Михаил раздобыл. Появился нешуточный животик. Лицо округлилось. Волосы на голове поредели, поэтому стригся очень коротко. Постоянные занятия в тренажерном зале спасали только от увеличения полноты.

Лили оставалась секретарём начальника управления. Всегда очаровательно улыбалась, вовремя готовила документы на подпись и приносила кофе. Это было для неё гарантией продолжения службы.

Она непрестанно жаловалась на тесноту у себя дома. Родители-пенсионеры продолжали её учить жизни – называли неумехой, слепая бабка требовала ухода. От недостатка материнского внимания и поучений стариков ребёнок рос нервным, страдал близорукостью. И хотя Михаил просил только поливать цветы – не сомневался, что Лили переберётся на его жилплощадь, как только поймёт, что он подался в бега и надолго.

После убийства Сивакова сомнений не оставалось – на них идёт конкретная охота. Конспирация прежде всего. Хотелось жить. А насколько длинны руки мафии, Михаил успел убедиться ещё на службе – заказные убийства раскрываются трудно...

– Я долетел, всё в порядке, – остановил он поток собственных воспоминаний и ругательств Лили. Внезапно ощутил прилив совестливости. – Я не успел предупредить Сергея. Передай ему – пусть будет осторожен. Связь через тебя.

– Это твой новый телефон? – щебетала Лили.

– Да, этот единственный не засвечен. Оформлен не на меня. Умоляю – не давай его никому. Даже Полинову. Тебе звонить не буду. Только ты. И в исключительных случаях. Или когда всё наладится. Поняла?

– Расскажи, ты где? Там тепло? Это далеко? – Лили общалась с обычной непринуждённостью. Такая же милая и непосредственная...

Хотелось обнять, ощутить, как напрягается её тело. Увидеть лицо, идущее красными пятнами возбуждения, вздрагивающую верхнюю губку, закатывающиеся глаза – Лили заводилась мгновенно и непредсказуемо.

Он мысленно проник через трубку к её резному маленькому ушку с вывернутой мочкой, ёжику волос и гладил, гладил, гладил... Словно ничего не случилось. Ни угроз, ни бандитов, ни предательства бывших коллег... В глазах защипало от тоски и неопределённости. Хорошо, что родители живут далеко в деревне. До них не доберутся...

Посмотрел по сторонам. Из-за угла появился полицейский в черных очках. Прямо как из фильма. Подумал, что вряд ли здесь уже в курсе. Но решил внимания не привлекать. Закончил разговор:

– Береги себя, сделай для остальных вид, что мы поссорились. Ну пока! Целую.

Ощутил в душе неприятие от пошлой формальности последнего слова. Раньше не замечал. Передёрнуло.

Вышел в зал и продолжил разгуливать по аэропорту Галеан. Иногда проверялся – оглядывался: не промелькнёт ли знакомое лицо. Но всё было спокойно. Обдумывал, куда податься.

Сюда он прилетел по нескольким причинам. Во-первых – надо было куда-то срочно скрыться! Южная Америка подходила – расстояние от Санкт-Петербурга то, что надо! Во-вторых – не требовалась виза. В-третьих – это была его мечта. Ещё с тех времен, когда впервые услышал с экрана от Остапа Бендера что-то типа: «Рио-де-Жанейро – хрустальная мечта моего детства, не касайтесь её своими грязными лапами...» Да... Грязными лапами...

И когда в «Пулково – 2» он увидел в расписании рейс на Бразилию – сомнений не было. До этой мечты теперь оставалось двадцать километров.

Аэропорт на удивление был самый обыкновенный. Даже, скорее, маленький для такого густонаселенного города, как читал в интернете: пятнадцать миллионов. За свою жизнь Михаил много где побывал и мог сравнить.

Небольшое количество рублей, прихваченное на родине, надо было поменять на местную валюту. Разговорный английский казался бесполезным. Большинство общалось на португальском или испанском. Справочное – это спасение. Подошел к смуглой миловидной девушке в синей форме и спросил на английском, где можно поменять валюту. Оказалось – внизу. Там был еще один этаж. Видимо, для вылетающих.

Банк нашел быстро, и все рубли переключались в кассу. Какая разница, какой курс, если нет альтернативы?! Полученные купюры сунул в боковое отделение портмоне. Теперь на руках было несколько сотен реалов. Прикинул, что они вполтину дешевле американского доллара. Ещё имелась пластиковая карта Сити-банка. Но ею пользоваться пока не решался – вычислят немедленно. Гораздо быстрее, чем по билетам на самолёт. Переложил её за корочку обложки в паспорт.

Теперь надо было подумать, куда и на чём ехать.

Решил сделать это во время еды и пристроился в одну из очередей бистро. Обратил внимание, что на целую голову выше всех. Пожалел, что виден за версту.

Продвигались медленно. Народ впереди стоял разношёрстный: загорелые старики в сомбреро, толстые сисястые негритянки в коротких платьицах на тонких бретельках, подростки в разноцветных майках футболистов. Загорелые улыбающиеся лица. Громко болтали. Отовсюду звучала музыка. Веяло душевным теплом и благожелательностью. Иногда кто-то начинал напевать: «Самба! Самба де Жанейро...» Крутил бёдрами, переступал ногами. Другие подхватывали на несколько секунд, топтались в общем ритме, крутились, кивали головами – после хохотали. Хлопали друг друга по плечам, ерошили волосы пацанам.

Пока стоял в очереди, Михаил увидел на стене часы. Перевёл время. Было почти шесть утра. Снял лёгкий пуховик и свернул в чехол, положил в сумку. Остался в рубашке и джинсах.

Подойдя ближе к кассе, так и не смог понять, чем кормят. Официанты в красных передниках выносили уже заполненные подносы. Что-то кричали и к ним подходили граждане, ожидавшие за столиками. Пытался состыковать название блюд и то, что выносят. Ничего не получилось. В меню перевода не было. Вклеенные фото как производственный брак – цветное месиво. Знакомыми выглядели только пюре и макароны. И то – непонятно, из чего сделаны.

Смущаясь, проямлил несколько вопросов на английском. Не понимали. Разочарованно отошел в сторону.

На прилавке лежала сдоба, но портить желудок не хотелось.

Ещё одна попытка основательно поесть в другом кафе тоже ни к чему не привела – результат тот же. Зато своим хождением по очередям привлёк внимание полицейского. Был похож на первого – или он же. Голубая рубашка с тёмными погончиками. Чёрная фуражка

с белой помятой тульей как у выпускников морских училищ Питера. В аналогичных очках – непроницаемых капельках. Прислонившись к стойке, болтал с барменшей. Через зеркальную витрину в упор глядел на Михаила.

Лицо копа с шевелящимися губами, странным образом, уместилось в отражении между раздвинутых бутылок. Выглядело идиотским. Но сейчас было не до смеха. Надо было смыться. На плече Михаила висела небольшая спортивная сумка. Точно – корреспондент, прилетевший на конференцию. Лишняя проверка документов была ни к чему.

Глава 2. Полгода назад

Открыв глаза, Михаил убедился, что Лили еще не ушла и продолжала лежать рядышком, сопеть, уткнувшись ему подмышку. Сон её был крепок. Будить не хотелось. Она всегда говорила, что ей нравился терпкий запах мужского пота. Таскала Михаила по спортивным состязаниям: чемпионатам по боксу, борьбе, баскетболу. Где воздух залов упруг от спертых эмоций и всеобщего напряжения. Пересыщен испарениями разгоряченных тел, наполнен нервными криками, азартом. Оседал на губах кисловатым привкусом крови. Туманил взгляды и никелированные части металлических ограждений.

Потом ехали домой к Михаилу, где Лили, не в силах сдерживаться, уже на подходе к постели устраивала свой турнир. Звучащий глухими выстрелами отрываемых пуговиц, стуком скидываемых, летящих в стороны туфель, стонами, скрипом кровати, сплетением тел. Победа всегда оставалась за ней.

Неожиданно накануне позвонил Игорь Сараев, начальник агентурного отдела ГУВД, бывший непосредственный руководитель и очень просил прийти вместе с Николаем Сиваковым. Отказываться – не резон! Дружба с полицией всегда пригодится. Но лёгкое волнение всё же появилось. Чего от них хотят – материальной помощи или о чём-то предупредить? Тогда зачем собирать их вместе?

Михаил посмотрел на часы, погладил Лили по голове:

– Тебе не пора вставать? Уже десять. Начальник заждался свою секретаршу.

– С утра у Стрелкина одни совещания, – не открывая глаз, сообщила Лили, – так что обо мне он не скоро вспомнит.

Сергей Стрелкин реорганизацию прошел успешно и даже получил повышение. Ходили слухи, что он являлся казначеем у прошлого руководства. Передавал взятки от бизнесменов, помогал им решать вопросы. Особенно те, которые касались усмирения своих подчинённых. Не брезговал продавать звания и должности коллегам. Но в Москву никто не стукнул, а не пойман – не вор!

Просто Михаила корбило, что вместе они начинали службу в районе, сидели в одном окопе, лазили по чердакам, пили с одного стакана. Потом пути разошлись. Но опера – народ ушлый. Уж если про бандитов всё знали – про своих и давно! И когда кто-то из коллег вспоминал об их знакомстве, намекая на хорошего протеже, Михаилу всегда было стыдно. Словно его огромные рост и вес не имели права дружить с предателями или ошибаться. Он не знал, куда деть руки, начинал суетиться, водить плечами, мять пальцы, почесывать затылок. Точно от этих движений его фигура могла уменьшиться в размерах.

Он и в милицию попал случайно. Надо было институту комсомольскую путёвку закрыть. Никто не соглашался. Студенты уже всё больше о демократии спорили. Вот его и послали. Даже экзамены досрочно зачли, формально. Не любил Михаил ссориться, конфликтовать не умел. Хотел со всеми дружить...

– Сегодня могу тебя подвезти, – он вылез из-под одеяла и направился в ванную, – Сараев приглашал в гости. Так что нам по пути.

– Сараев? – Лили продолжала говорить с закрытыми глазами. – Зачем?

– Не знаю, просил меня и Сивакова заехать.

– Через две недели ноябрь, День полиции, – она откинула одеяло и сладко потянулась, выгибая стройное тело, – шефу уже начинают заносить. Начальники отделов ищут спонсоров для празднования. Хотят и вас подтянуть?

– Может быть... Да мы и так на каждый День Уголовного розыска накрываем поляну в отделе. Может, понадобилось что из аппаратуры? Технического обеспечения?

По дороге на стоянку, Лили юркнула рукой в карман белого плаща Михаила и вынула ключи от машины:

– Я сегодня поведу! Я! – засмеялась она, тряся связкой с брелком-сигнализацией.

Он был не против. Водила она хорошо. Едва выглядывала из-за руля джипа, но ругалась на водителей громко. Пыталась их всех строить. Даже когда переходила дорогу по «зебре» к высокому серому зданию ГУВД на Суворовском. Манерно останавливалась и показывала ладошкой белую черту на асфальте, за которую не должны заезжать автомобили.

Пронзительно звучали сигналы, но Лили не торопилась покинуть проезжую часть. Презрительно сморщив личико, отворачивалась, не желая слышать гудков, грациозно ступала. Не глядя на раздраженные лица водителей, на ходу грозила своим маленьким указательным пальчиком. Знала, что на площади за пешеходным переходом всегда стоит патруль ГИБДД, высматривает нарушителей.

Был конец октября. Облака хмурились, ошетиливаясь струями дождя. Хотелось улететь в теплые края. Быть может, даже в Париж. Михаил снова вспомнил, что до сих пор обещание не исполнил. Да и сам там не был. Можно было предложить поездку сейчас, но полицейским запретили летать во Францию, как и во многие другие страны. Это служило оправданием снова отдыхать одному.

Оставив машину недалеко от Суворовского, они прошли в здание. Поцеловав Михаила, Лили выскочила из лифта на третьем этаже. Он поднялся на четвертый и проследовал в свой бывший кабинет.

Глава 3. Рио-де-Жанейро

Михаил отвернулся и медленно пошёл вдоль зала. Заглянул в пару небольших магазинчиков. Скорее, для того, чтобы убедиться в отсутствии препятствий к свободному передвижению. Никто не остановил. Двинулся к выходу. И здесь в отражении стеклянной двери его снова нагнали черные очки полицейского. Оглядываться не стал. Взял себя в руки, спокойно вышел на улицу.

Было тепло. Солнца не видно, но оно ощущалось в степенно проявляющейся насыщенности неба синевой. Подтверждалось сползанием вниз по зданиям серых теней, которые выдавливали взамен себя на поверхность собранное за ночь удушливое испарение, заставляли воздух сонливо вылезать из мрака прохладных подвальчиков и закутков, клубиться, поднимаясь вверх.

Вдоль тротуара – металлические столбы с вывесками. Слова – не знакомы, цифры – ни о чём. Судя по всему – остановки. К ним подъезжал транспорт, сажал граждан и, немного подождав, следовал дальше.

Внимательное изучение маршрутов пользы не принесло. Хотелось увидеть что-то понятное. Михаил прошёл в одну сторону, затем вернулся. Безрезультатно. На очередной стоянке посадка заканчивалась. Водитель знаками торопил пассажиров. Похоже, это были англичане или американцы. Во всяком случае, долетавшие слова понятны. Говорили что-то про карнавал, тёплое море и пляж Копакабана. Михаил решил прислушаться, подошел ближе.

Внезапно в отражении окна снова увидел полицейского и, не раздумывая, поднялся в автобус со всеми. Прошел мимо багажных полок слева и справа, в самый конец, сел на свободное место. Никто здесь не обратил на него внимания. Полицейские очки продолжали в упор сканировать Михаила через окно, даже когда автобус тронулся.

Подумал, что надо быть настороже. Так ненароком загребут и данные запишут, поставят на контроль. А запрос придёт – тут же найдут, чтобы депортировать.

Ровная бетонная дорога тянулась между вздымающихся зеленых холмов, скалистых склонов и ложбин, заполненных россыпью непонятных рыжеватых строений. Издали похожих на вышедшую на поверхность глинисто-кварцевую породу. Топорщилась надломленными углами, бугрилась, поблескивала на солнце.

Вблизи перевоплощалась в деформированные нагромождения жилищ из оранжевого кирпича. Вырисовывались окошечки, двери, неровные покосившиеся крыши, пристройки. Подобно муравьям, сновали люди. Ни дорог, ни улиц. Кривые тропинки, скрывающиеся под навесами норы, крутые лазы. Напоминало гигантский муравейник. Походило на кучу мусора, которую великан смёл воедино чтобы позже собрать на совок и выбросить.

Ближе к Рио-де-Жанейро скопления домов всё чаще приобретали белые оттенки. Словно кто-то постепенно гарщёткой очищал их от ржавчины.

И внезапно накатила синева. Словно великану-уборщику всё же удалось смести мусор. В лицо ударил сливающийся яркий свет неба и моря. Прямо из воды взметнулись коричневые горбы доисторических гигантских рептилий. Образовали вокруг себя буруны. И те застыли, превратившись в белоснежную россыпь каменного ожерелья вздымающихся небоскрёбов на лапах широких песчаных пляжей. Откуда кто-то невидимый уже запряг самого крупного зверя, умирняя, натягивал вожжи канатной дороги, уносящей в поднебесье раскачивающийся яркий вагончик фуникулёра.

По извилистому шоссе автобус спустился ближе к побережью. Сидевший с водителем сопровождающий периодически произносил названия гостиниц. Транспорт останавливался, пассажиры выходили по несколько человек. Когда дорога пошла вдоль пляжей, Михаил тоже решил сойти.

Солнце уже светило вовсю. Открывало красоту искрящегося полотна залива, вскрываемого белыми скальпелями яхт. Заставляло серые тени пятиться вокруг гор. И казалось, что каждая вновь открываемая Михаилом картина старается стереть из памяти образ Лили. Вычёркивала его, как неприемлемый здесь – среди пальм и широких пляжей тропических широт.

Они так и не смогли побывать вместе в тёплых краях, обрести там единение, общие воспоминания. Не ходили по улицам южных городов, не заглядывали в витрины сувенирных лавок, не наслаждались заморской кухней. Их продолжала соединять слякотная питерская зима, пасмурное лето и белые ночи, которым здесь не было места.

Алебастровые гребешки причесывали едва волнующуюся голубую гладь воды. Купальщиков не было. Вдоль кромки по одному и группами легко скользили силуэты бегущих людей. Изредка обгоняя друг друга, уступая дорогу встречным. Приветственно махали руками.

Кто-то делал зарядку. Утро – время спорта.

Вдоль шоссе по велосипедной дорожке шуршали шины. Пригнувшись к рулю проносились наездники металлических коней, с усилием давя на педаль. Атласные короткие штаны обтягивали напряжённые бедра с перекачивающимися мышцами.

Тротуар вымощен черно-белой плиткой. Набран в виде мозаики. Узор напоминает переплетение Инь и Янь. Тянется вдоль всего побережья. Отделяет первозданную природу океана от каменной цивилизации мегаполиса. Плавно сужается и пропадает вдаль, заворачивая вместе с кромкой залива. Упирается в громадину горы, вырастающей из моря.

Прижав локти, выкидывая ноги-ходули и старательно пыхтя, мимо прошествовала группа худощавых стариков, затем подростки.

На широком пляже из скрипучего крахмального песка расположились многочисленные футбольные ворота с сетками. В некоторых началась игра. Взлетал мяч. Подпрыгивал вратарь. Звучали победные крики и брань разочарований, споры. Большинство – подростки. Будущие Пеле – покорители чемпионатов. Их растят с малолетства, чтобы потом не закупать за границей, грабя собственный народ.

Такие же пляжи Михаил видел несколько лет назад в Америке. Там на Малибу под Лос-Анджелесом были растянуты волейбольные сетки. Вода холодная – никто не купался. Только играли. Взяли машину напрокат и поехали в Лас-Вегас. Остановились в отеле. Весёлое было время – беззаботное. Сколько там проиграли? Вроде немного. С грустью подумал, что сейчас бы пригодилось.

Забитый гол и восторженные крики снова вернули Михаила к реальности. Можно было отлежаться на пляже. Но для этого надо было хотя бы купить плавки. Кто же знал, что он в феврале очутится здесь, а не где-нибудь в Норвегии или Канаде.

Магазины еще закрыты. Можно пока осмотреться. С усмешкой подумал, что в отпуске всегда выбирал отели первой линии. Сейчас было не до отдыха – надо подыскать что-то подальше от пляжа. Убраться с глаз.

Потянулся аппетитный аромат еды. Заныло в желудке – в аэропорту так и не поел. В одном из прибрежных кафе начинал суетиться народ. Звучала музыка. Приветливые негрятки в желтых передниках и цветами в волосах походили на курочек-наседок. Шестовали, лениво переваливаясь, квохтали. Разносили беляши и чебуреки. Стало смешно от неожиданной встречи на далёком континенте с любимым блюдом. Словно кто-то решил сгладить муку расставания. Надо попробовать! Оказалось на удивление вкусно. Заказал ещё и парочку пива. Только Хайнекен. Пришлось мириться. В Питере его не пил. Покупал живое, нефilterованное.

Наелся. Расслабился. Можно было прогуляться. Но куда? Ничего не хотелось. Ни вставать, не идти. Закрыть бы глаза и так пропасть в собственной внутренней темноте. Чтобы ничего не тревожило. Просто раствориться, стать невидимым. Представил, как Лили едет на работу, ругает водителей, грозит им пальчиком, подносит шефу чай. Думает ли о нём? В этом

мире ничто не напоминало о ней. Жаркое южное солнце никогда не согревало их двоих, не укутывало своим теплом. Сближала зима и морозящие дожди. Подумалось – быть может, когда-нибудь... Но оборвал себя. Вернулся в реальность – что впереди?

Надо было распределить бюджет, чтобы хватило на первое время. Потом попытаться найти работу. Подметать улицы? Мыть посуду в ресторане? Смешно. Никогда не думал об эмиграции.

На той стороне проезжей части красовалось огромное светлое здание отеля «Копакабана палас». Этажей семь или восемь. Внизу несколько бутиков и офисов. Магазины уже должны были открыться, и он направился через дорогу в каменные джунгли.

По мостовым неторопливо ехали большие желтые автобусы, похожие на давно ушедшие в историю питерские икарусы, и такого же цвета такси с шашечками. Дождался нужного сигнала светофора и перешел улицу. Столбы освещения как великаны – в три-четыре раза выше, чем в России. Похожи на инопланетян с наклонёнными головами. Что-то высматривали. Рядом – красные пластиковые баки для мусора. Урн нет. Вдоль шоссе – невысокие пальмы. Опавшие листья убраны с рассветом.

Улица поднималась вверх. Слева итальянский ресторан с нарисованной рекламой макарон на окнах. У дверей – очередь. Итальянцы с раннего утра свою пасту едят? Справа – сувениры. Возникший интерес мгновенно погас. С горечью подумал, что это – на обратном пути.

Здания вдоль улицы в два-три этажа. Примыкают друг к другу. Идут сплошной стеной. Разделяются только пересекающими улицами. На первых этажах конторы, агентства, небольшие лавочки. Попадают быстро. Народ внутри одет неброско. Помят. Много пожилых. Взгляды угрюмые, озабоченные. Не то, что в аэропорту. Заглянул внутрь – похоже на шведский стол или, скорее, на родную столовку – с подносами вдоль стойки, касса – в конце. Зато есть суп или что-то похожее. Посмотрел цены – недорого. Можно полгода продержаться, если спать на пляже. Но есть риск попасть в грозу. Дождь – не солнце, газеткой не прикроешься.

Вот и спортивный магазин. Совсем не дорого. С большими размерами туговато. Но кое-что нашли. Михаил тут же в кабинке переоделся в шорты, футболку и сандалии. Снятое сложил в сумку. Теперь он ничем не отличался от местных туристов. Не забыл купить серую панаму на голову. Можно снова идти на пляж. По дороге обратил внимание на несколько дешёвых гостиниц, где сдаются комнаты. Запомнил их расположение. Утро вечера мудренее. Но сейчас было наоборот. Решил не думать о проблемах и отдаться отдыху, позагорать. Хотя бы чуть-чуть адаптироваться.

Пляж уже гудел. Заполнился отдыхающими, звучал музыкой, шумом прибоя и криками зазывал. Волны стали больше. Появилось множество шезлонгов, ранее сложенных под навесами. Выросли и раскрылись зонтики. Михаил подумал, что в такой суете вряд ли он будет замечен, кому-то интересен. Если только местному торговцу сувенирами или женщинам, разносящим фрукты.

Взгляд наслаждался красотой природы, её добротой к аборигенам. Но ощутить все это так, чтобы принять душой и раствориться, Михаил никак не мог. Мешала настороженность и неопределённость. Словно он ещё не здесь, а продолжает бежать. И это лишь мимолетный очередной пейзаж.

Обратил внимание, что зонтики различаются по цветам и кучкуются стайками отдельно друг от друга. У каждого лагеря – палатка, флаг с эмблемой и наименованием отеля. Тут же охрана из парочки негров. Записывали посетителей в журнал, тащили шезлонги, устанавливали тенты.

На просьбу Михаила задали несколько вопросов. Тыкали заскорузлыми шелушащимися пальцами в название отеля, отрицательно крутили головами. Затем показали в сторону другой палатки с жёлто-зелёным бразильским флагом, без названия отеля. Всё было ясно.

За три реала Михаил получил все то, что проживающим в гостиницах давалось бесплатно. Зато под тентом гора кокосовых орехов, бананы, контейнеры с напитками. Михаил расположился рядом с охраной, чтобы было кому присмотреть за вещами. Слышал раньше, что в Бразилии процветает преступность.

Общения не хотелось. Понятными были названия напитков, фруктов и разной снеди. Вполне устраивало.

Обратил внимание, что местные девушки, в основном чёрные, совсем не привлекательны. Стройность сохраняют только в подростковом возрасте. Дальше начинают расплываться бёдрами и грудью. Правда, заметил нескольких голливудских красоток. Но те были в компании накачанных парней. С тоской глядели по сторонам. Одна из них с длинными распущенными волосами задержала взгляд на Михаиле.

«Наверно, выделяюсь отсутствием загара» – подумал он и отвернулся. Но через некоторое время снова почувствовал, как она заинтересованно разглядывает его. На этот раз в его сторону глядели и две огромные волосатые «гориллы» – охранники. Это казалось небезопасным. Возможно, они приняли его за белокожего миллионера и хотели предложить свою девочку на час? Или просто заманить и ограбить? Их назойливые взгляды упорно зазывали. Михаил стал рассматривать прибрежные здания.

Пересекая чёрные и белые полосы, по тротуарам гулял народ. В инвалидной коляске на электрическом ходу, завернувшись в белую клетчатую шаль, катилась негритянка, весёлая толстая бабушка – выглядела как сахарная трубочка с шоколадной глазурью.

Михаил старался не думать о грустном. Пытался наслаждаться отдыхом, но, стоило расслабиться, и воспоминания устремлялись в душу, словно песок сквозь пальцы, и приходилось сжимать их в кулак. Стройные молодые креолки на пляже снова напомнили о Лили. Поёжился, ощутил маленькую ладошку на спине. Как уходил в зону вылета, прикрываемый толстяком с лоснящейся довольной физиономией. В душе защемило.

Силой воли вернулся в Бразилию. По краю пляжа на квадроциклах осторожно пробираются полицейские. Смотрят по сторонам. Иногда останавливаются и кого-то подзывают, расспрашивают. Едут дальше.купающихся мало. Над водой постоянно кружат вертолёты – наверно, обзорные экскурсии. Лёгкие самолеты увлекают за собой развевающиеся рекламные баннеры.

Народ запрудил весь тротуар. С краю примостились продавцы поделок, сувениров, дешевой снеди. Стойки с лёгкой одеждой и бижутерией. Кабинок для переодевания нет. Туалеты – в кафе или спрятаны под землю как пешеходные переходы. На поверхности только значки с силуэтами.

На одной из площадок организованы конкурсы для детей и взрослых – строят замки из песка.

К обеду пляж раскалился так, что по нему стало не пройти. Рабочие протянули от гидрантов резиновые шланги, испещрённые мелкими дырками. Тонкие струйки воды распыляются, выделяя темные намокшие дорожки для передвижения. Конец шланга укрепляют на стойке и вставляют в рожок – получается пресный душ.

Несколько огромных цементных башен на границе с тротуаром – смотровые спасательные вышки. Но катеров с соответствующей символикой не видно.

Неожиданно взгляд Михаила снова встретился с темноволосой красавицей. Та улыбнулась и тут же обернулась к своим охранникам. Видимо, трёх раз для неё было достаточно. Надо было что-то предпринять. Михаил жестом показал продавцу, что идет купаться и просит посмотреть за одеждой. Убедившись, что тот понял, двинулся к морю. Вода оказалась прохладной, но вполне приемлемой для купания. Зайдя по пояс, нырнул и появился на поверхности в стороне. Чернокожие великаны шли за ним. Зайдя по грудь, остановились, подпрыгивая на волнах. Стали рыскать глазами.

Отплыл подальше и почувствовал, что отливная волна тянет за собой. От неожиданного ощущения запаниковал. Стал активно работать руками и ногами, устремляясь к берегу. Плавал он хорошо. Умело держал дыхание. Но берег не приближался. Словно на тренажере беговой дорожки. Казалось, что море уходит от берега, и он старался подмять его под себя, скользить по поверхности. Постепенно начал уставать – сказывалось отсутствие тренировок. Люди и здания на берегу уменьшались в размерах. Прибрежный гомон становился глуше, сливался в однотонный тихий шум, прерываемый криком чаек и периодическим тарахтением самолёта. Показалось, что это сон. Хотелось обернуться и увидеть позади себя мостки или край бассейна. В отчаянии стал крутиться, плеская руками в надежде увидеть шлюпку. Вспомнил, что не заметил на берегу ни одного спасательного судна. Только башни, которые продолжали безразлично смотреть вдаль, поблескивая маленькими окошечками. Михаил в надежде помахал им рукой. Стало смешно – походило на прощание. Солнце продолжало жечь. На небе ни облачка. Представил, какой крупинкой кажется он всем теперь.

В отчаянии, неистово замахал руками и забил ногами по воде. Быть может, заметят издали фонтан брызг? Но тут же притих – подманит акула? Он даже не поинтересовался об этом раньше. А так далеко от берега точно шастают какие-нибудь зубастые твари. Неожиданно ощутил глубокую, пронизывающую безнадёгу. Почувствовал весь сарказм своего положения как результат бесполезного бегства от судьбы. Тщетной попытки спасения. Не там – так здесь. Уж если суждено. Значит это судьба? И нужно ли было преодолевать столько трудностей, расставаться с друзьями, любимой... Прости, Лили... Хотя почему – прости? Просто прощай... Чувствовал вину перед Полиновым – не успел предупредить, струсил, сбежал...

Михаил лёг на спину, раскинул руки и ноги в стороны, закрыл глаза. Проходящие волны охлаждали, окатывая раскалённые лицо и живот, смывая жар солнечных лучей. Вода заполнила уши протяжным зовущим гулом глубины, переменчивым напряжённым эхом.

Неожиданно сверху донёсся шум мотора, воздушный поток прижал тело к поверхности. Михаил открыл глаза. Над ним завис вертолёт, на веревке опускалась красная тряпка. Оказалось – спасательный жилет. Оставалось только просунуть руки и защёлкнуть замок на груди. И вот он уже беспомощно висел в двух метрах от воды, летел к берегу, словно маленькая собачка на шлейке.

Опустили прямо в полосу прибоя. Михаил отстегнул пояс и помахал вертолету рукой, вышел на берег. Устало сел на песок. Никто из отдыхающих не обратил на него внимания – это было странно. Вскоре вертолёт поочередно притащил ещё несколько купальщиков. Похоже, что это было здесь обычным делом.

Цивилизация!

Глава 4. Требуется помощь!

– О, кто пожаловал? – из-за стола поднялся Сараев и раскинул руки для объятий. – Ты как прошел без пропуска? А забыл – у тебя же здесь свой разведчик!

Игорь был на пару лет моложе Михаила, но уже совсем лысый. Впрочем, это его не портило, и ловеласом он слыл известным. Два его новых заместителя настороженно поднялись со своих мест и протянули руки для знакомства. Михаил представился. На диване у окна уже сидел Сиваков. Улыбаясь, хитро щурился, приглаживая свои светлые белорусские усы. Нетерпеливо заерзал – ждал своей очереди. Похлопал рядом с собой, приглашая Михаила сесть. Обнялись как после долгой разлуки. Хотя виделись вчера, но не здесь! Среди толстых стен здания ГУВД казалось, что не общались с тех пор, как вышли в отставку.

Сараев кивнул заместителям:

– Идите в канцелярию, попейте чайку! Мы поболтаем.

Те нехотя вышли, подозрительно оглядывая гостей.

Сараев закрыл за ними дверь. Подошел к врезному шкафу в углу. Достал бутылку коньяка, стопки и коробку шоколадных конфет.

«Значит что-то серьёзное, отчего заместителей выгнал», – подумал Михаил. Спросил:

– А водочки нет? Не хочется краситель с ароматизаторами глотать. В наших магазинах нормального коньяка не бывает!

– Водки нет, – слегка огорчился Сараев, – что районы заносят – то и пьём.

Переглянулся с Николаем. Тот потирал руки. Был охоч до выпивки. Правда, теперь знал норму. Ранее, работая на территории, страдал запоями и одно время ходил закодированный. Став руководителем среднего звена, был арестован за хранение и распространение наркотиков. Отсидел в изоляторе несколько месяцев и вышел. Следствие не смогло доказать вину. На службе восстановили, хотя некоторые из руководителей следствию доверяли. Но дело уже было прошлое. Старались не вспоминать.

– Требуется ваша помощь, мужики! – Сараев разлил коньяк. – Давай за встречу!

Выпили, закусили.

– Понимаете, напоролись на одну банду, не можем реализовать. Начальство давит. Сроки разработки заканчиваются. Уже филёры и установщики отработали. Сроки прослушек заканчиваются, а ухватиться не за что. Шифруются гады. Решили мы давануть их по экономике. Лишить материальной базы – так некого внедрять. Молодежь пришла – опыта нет. Проклются – всё испортят. Последствия могут быть. Мафия – дело серьезное. Там люди опытные. У них и консультанты есть в ГУВД непростые, и кое-кто повыше, вычислить не можем. Отказа от вас не приму. Выхода у меня нет. Вы дело свое знаете. И вера к вам. Не подведёте.

Михаил увидел, как взгляд Сивакова загорелся азартом. Больше двадцати лет оперативной работы даром не проходят. Да и сам был не прочь вспомнить молодость. Если бы дела в фирме шли не очень или намечались проблемы – не согласился. А так – вроде все нормально. Спокойно. Попросят помочь. А это уже в крови. Как отказать своим однополчанам? Согласились.

– Тогда нужен кто-то третий. Кто разбирается в тотализаторе.

– Можно Серёге Полинову позвонить, – вспомнил Михаил, – он же раньше обеспечивал все спортивные мероприятия. На футбольные матчи нас приглашал. Он эту кухню должен знать. А когда в оружейном отделе работал – внедрялся. Одному торговцу гранату вручил с выдернутой чекой.

Присутствующие гоготнули. Согласились. Стали вспоминать смешные ситуации...

Через полчаса Полинов уже сидел в кабинете и пил со всеми коньяк. Мотал головой, закидывая чёлку назад. Обаятельно улыбался, сверкая голубыми глазами. Он был всё таким же стройным, как на службе. Бывший «афганец», призёр Европы по карате. Тоже носил усы, но

изысканно выбривал их в тонкие стрелочки. Стесняясь седины, подкрашивал волосы в чёрный цвет.

– Орден-то дадут? – усмехался он.

– Дадут, – ответил Михаил, – догонят и поддадут. Не помнишь, сколько наполучал, пока служил?

– Я хорошо помню, – отозвался Сиваков, – особенно как УСБ склонило моего же агента наркотики мне подкинуть, в камеру закрыли ни за что!

– Меня Стрелкин турнул, я тоже помню! – добавил Сергей, – требовал, чтобы я его знакомой деньги вернул. А за что, спрашивается? Пусть идёт в суд...

Сараев почувствовал, что настрой может пропасть, прервал:

– Да ладно вам плакать. Если бы не выгнали, продолжали гнить в этом болоте. А так – смотри! Настоящими бизнесменами стали. Думаете, мне здесь сладко? Каждый день мечтаю, куда бы свалить. Некуда! Вот и приходится брать под козырёк.

– Это верно, – подхватил Михаил, – все совершается вовремя. Что бог не делает – всё к лучшему. Чего жалеть-то? Давайте, накатили и не отвлекаемся!

Игорь благодарно ему улыбнулся, снова разлил коньяк по рюмкам:

– Значит так, операцию назначим на пятницу. Больше будет народу. Сейчас позову старшего по делу и опера, у которого разработка в производстве.

Он позвонил по телефону и через минуту в кабинет вошел смуглый худощавый мужчина невысокого роста. Костюм слегка великоват. При виде гостей узкое лицо с большими залысинами озарила открытая улыбка, отчего светлые выпученные глаза показались безоблачными, притворно наивными, стали располагать к откровенности.

– Привет заслуженным пенсионерам! – произнес он.

– Стас? Франчук! Ты еще на службе? – удивился Михаил. – Ты же старше нас всех! Сколько помню, всё плакался, что тебя уволят по возрасту первым. А мы верили. Хитрец! Я даже знак «Ветеран МВД» тебе отдал. А мог бы и себе повесить. Ты и теперь живее всех живых!

– Так он же памятник! – усмехнулся Сиваков. Хитро подмигнул, с намёком, показывая большим пальцем вверх, – попробуй его уволь! Небось старшему брату постукивает?

Обнялись. Попытались общаться. Но Сараев всех остановил:

– Хватит трепаться. После наговоритесь. – Обратился к Стасу:

– Где Алексей?

– Сейчас подойдет, готовит документы на подпись.

– Хорошо, – согласился Сараев, – тогда к делу. Я повезу Михаила в притон на Есенина. Стас – Николая в игорный дом Купчина. Он этот район знает. Алексей как прикрыtie у Полинова на тотализаторе в Московском...

– Опять мне в притон! – прервал Михаил. Поморщился, попытался возразить: – На службе развратничал и на пенсии продолжаю, сколько можно?

– Так ты ж единственный у нас профессионал был в этом вопросе! – Сараев хлопнул его по плечу. – Женатики не решались, а холостяки не умели, даже будучи начальником, продолжал сутенёров изобличать! Забыл? Герой!

– Да ладно тебе... – Михаил огорчённо хмыкнул. – Документы на внедрение оформили? Постановления в суде подписали? А то получится по уголовному кодексу провокация – будем вместе баланду хлебать!

– Да все нормально, – успокоил Сараев, – ты же меня знаешь. Сейчас Лёша принесет все, покажет – и Стрелкину на подпись. Потом в суд. Значит, задача ясна? Работаем как раньше. Составы преступлений пока не изменились, доказательная база прежняя. Надеюсь, вы всё помните. Наливай!

Франчук разлил весь коньяк и направился к шкафу. Достал новую бутылку. Распечатал. Поставил на стол. Появился Алексей. Молодой белобрысый парень с зелеными глазами и

немного кривой улыбкой, открывающей жёлтые прокуренные зубы. Под мышкой тонкая папка. Положил на соседний стол, стал раскладывать листы.

– Читайте, господа пенсионеры, – торжественно провозгласил Сараев, – вам можно, доверяю.

– Что там смотреть, – откликнулся Сиваков, – пусть Михаил читает. Он это дело хорошо знает.

Полинов подошел к столу, быстренько пролистал, остался доволен.

Михаил сгрёб документы со стола и пересел на диван. Стал внимательно изучать – все же бывший руководитель этого отдела. Хотел убедиться в правильности заполнения. Сделав несколько замечаний, спросил:

– А расписка о добровольном согласии на внедрение? Я такую не писал. Кто у вас документы без них утвердит? Или её отменили?

– Лё-ша!?! – Сараев вопросительно посмотрел на подчинённого, нахмурился, покачал головой.

– Надо собственноручно писать, – отозвался тот, – могу продиктовать. Я думал – все знают, не первый же год!

Он раздал пенсионерам по чистому листу машинописной бумаги и стал надиктовывать. Закончив – собрал документы.

– Ну что, мужики, – Сараев явно повеселел, – за успех нашего безнадёжного дела?

– За нас! – поддержал Михаил.

– Будем! – отозвались остальные...

Глава 5. Неприятности продолжают

Темнота наступила очень быстро, и пришлось срочно подыскивать место для ночёвки. Побережье осветилось огнями, как новогодняя гирлянда. Полицейские машины включили мигалки. Народ переместился с пляжа на тротуары. Ближнюю к морю полосу движения перекрыли – её запрудили толпы гуляющих. Веселье, музыка, танцы.

Неожиданно, со стороны зазвучала и стала усиливаться уже знакомая мелодия самбы. Постепенно нарастала, привлекая к себе всеобщее внимание. Там светились огни, что-то мерцало и вспыхивало. Отдыхающие потянулись навстречу. Михаил остановился, стал ждать. Вскоре показался движущийся грузовик с установленной сверху платформой. Множество мужчин и женщин отплясывали на ней в карнавальных костюмах, подчеркивающих наготу. Под ударный оркестр хлопали в ладоши, подпрыгивали, крутили бёдрами, изгибались. Подпевали летящей из динамика забористой песне, под мелодию, напоминающую марш:

– Самба! Самба де Жанейро!

Михаил веселиться не мог. Чувствовал себя черным траурным пятном на фоне всеобщей буйной радости. Но чудесное спасение вертолётom вселило уверенность, что просто так он здесь не сгинет. Будто ему предначертана определённая роль и в этой стране, куда, казалось, попал совершенно случайно.

Ближе к машине толпа сгущалась. Прохожие, заразившись музыкальными ритмами, начинали пританцовывать, шли позади, выстраивались в колонну, привлекая гуляющих. Полубогажённые девушки толкали бёдрами, хватали за руки, тянули за собой, затаскивая в центр.

Решил отойти подальше, боясь быть затянутым в этот праздничный водоворот. Когда кавалькада прошла, быстро перешёл проспект в сторону отелей. Оказалось, найти подходящий номер для отдыха было не так просто. Дежурные на ресепшн разводили руками, мотали головами. Все как один говорили о карнавале. В холлах Михаил частенько встречал размазанных негрятенок в бикини и масках, с крылышками за плечами. Они куда-то спешили в окружении накаченных темнокожих кавалеров.

Вскоре он нашел подходящую комнату. Стоила недорого, поскольку была без душа и кондиционера. Подумал, что ночью на улице будет прохладно, а ополоснуться можно днём на пляже. Главное – никто не спросил у него паспорт. Предложили просто написать имя на бланке.

Повесив одежду из сумки в шкаф, решил прогуляться: купить кое-какие принадлежности гигиены, а заодно попробовать подыскать работу. Выходя из отеля, заметил у дверей двух молодых худосочных негров неопределённого возраста. То ли охрана, то ли грабители. Один в чёрной майке-алкоголичке с отвисшими подмышками. Внимательно осмотрели Михаила, но ничего не сказали. Перекинулись за его спиной парой фраз. Подумалось, что эти не бегают по утрам трусцой и в футбол не играют.

На часах было десять вечера. Вышел к набережной, но переходить проспект не стал. Пошёл по тротуару вдоль ресторанов, надеясь услышать от официантов или сотрудников родную речь, хотя бы английскую. Русские слова звучали очень редко и только от посетителей. В другое время Михаил обязательно бы подсел, познакомился, угостил чем-нибудь. Считал себя компанейским. Но сейчас это было смешно. Надо выживать. Требовалась работа. В двух ресторанах оказались англоязычные администраторы. Они звонили начальникам. Но те требовали знание португальского или испанского языков.

Промотавшись полночи, Михаил вернулся в номер. Сильно продрог и, закрыв окно, быстро уснул.

Весь следующий день он провел, как и в прошлый раз, на пляже. Снова палило солнце, снова продавцы, летали самолеты и вертолёты.

К вечеру по проспекту прошли уже несколько музыкальных кавалькад. Народ веселился. Михаил вернулся в отель, чтобы переодеться – вечером становилось прохладно. Казалось, что кто-то побывал в номере. Кровать заправлена не так, шкаф приоткрыт. Надев брюки и футболку, решил остальные вещи забрать с собой. Сложил в сумку. Вечернее хождение по ресторанам пользы не принесло. Куда ещё податься? Начало темнеть. Физическая и моральная усталость тянули отдохнуть.

Он уже подходил к своему отелю, когда раздался звонок:

– Понто прамо? – безнадежно произнес он в трубку. Даже не изменив голоса. Подумал, что Лили забыла о его просьбе, решила снова поболтать. Но было в этом недовольстве предвкушение радости. Она тоже скучает. Думает о нём. Ждёт. Надеется. Сейчас он услышит её голосок и в памяти возникнет милый образ...

– Мигель, послушай Мигель, – торопливо щебетала она, – у вас в офисе был обыск. Там нашли наркотики... много!

Михаил замер. Остановился посреди улицы. Мысли завертелись в голове. Почему обыск? Возбудили дело?

– Ты меня слышишь? – Лили беспокоило долгое молчание.

– Слышу, слышу, – отозвался Михаил. – Откуда обыск? Кто проводил?

– В связи со смертью Сивакова.

– При чём здесь это?

– Прокуратура предполагает передозировку!

– А как же инфаркт? Панкреатит? – подумал: «Неужели Сиваков снова взялся за старое?»

– Ну я не знаю. Так шефу доложили. Полинова ищут. Я дозвониться до него не могу.

Михаил почувствовал в голосе Лили нотки капризности. Раньше не замечал. Подумал, что она продолжает отдаляться. С каждым звонком, с каждой новостью. Близость ощущается слабее. Переходит в деловитость. В её настроении появилась раздражённость. Снисходительность. Неужто раньше не замечал? Пришлось напрячься, чтобы сказать что-то ласковое:

– Спасибо, милая! Береги себя. Помни, о чём я тебя просил.

В трубке прозвучали гудки. Даже не попрощались! На душе стало погано. Продолжал размышлять. Значит, возбудили. Раз ищут Сергея, на меня точно пошла ориентировка. Проверят на выезд за границу.

В Питере Михаил заметил слежку ещё у морга, когда прощался с Николаем. Приехал с Лили слишком рано. Гроб не выносили, оставался в траурном зале. Должны были везти в Белоруссию на родину. Николай лежал в белых простынях бледный и опухший, точно накачанный изнутри водой. Лицо округлилось. Только знакомые редкие усы топорщились, опускаясь к подбородку – совсем не изменились.

Вспомнилось его склонённое, участливое лицо. Хитрые, чуть слезящиеся глаза, когда он примчался на вызов Лили вместе с друзьями из скорой помощи. Он знал, как умирают от наркотиков, водка – та же гадость. Улыбнулся, когда Михаил проснулся и с удивлением уставился на проводимые процедуры.

– Жив, курилка! Пара капельниц, и всё в порядке!..

Михаил продолжал жить. А Николай... Шептались, что панкреатит. Операция прошла успешно, но сердце...

Несколько сотрудников из главка, родственники и пяток бизнесменов. Поздоровался. Две незнакомые серые личности старались не привлекать внимание. Ни с кем не общались. Поочередно выходили курить, возвращаясь, старались пройти за колоннами, другими ограждениями, держались ближе к стенкам. В руках – барсетки, прижаты к бокам. Значит – снимают.

Скоро появились ещё несколько странных парней с гвоздиками. Неуклюже положили цветы в гроб, даже не посмотрев на покойника. Озирались по сторонам. Михаил понял, что пора валить. Полинову повезло – в командировке.

Громко сказал Лили, что пошел в туалет. Шепнул, чтобы через пятнадцать минут ставила машину на соседнюю улицу, и через больничный корпус вышел во двор. Там перемахнул через забор. Видел, как позади засуетились тени. Погнал в аэропорт. По дороге передал реквизиты банковской карты, просил, чтобы Лили переводила его долю от прибыли фирмы, часть оставляла себе...

Снова навевала грусть. Михаил выключил телефон и опустил его в карман брюк. Тут же почувствовал, как кто-то взял его за локоть. Это был один из тех парней, что стояли прошлым вечером у дверей гостиницы. Запомнился по чёрной майке. Стал пальцем свободной руки тыкать в карман, показывая жестом, что ему надо позвонить.

«Проходили!» – подумал Михаил. Увидел недалеко второго. Грязная великоватая футболка в широкую вертикальную полоску как у хоккейного судьи. Лица походили на сгустки тьмы, только белые зубы и блеск глаз. Оглядываются по сторонам – значит, боятся. Оба низкорослые, пригибаются как шакалы.

Михаил вспомнил, что в туристических агентствах всегда советовали носить отдельно десять долларов для наркоманов. Этого хватало на дозу, и можно было избежать неприятностей. Забыл.

Тот что в майке, стал недовольно хрипеть, выдавливая непонятные слова. Похоже, угрожал на местном жаргоне. Жесты становились агрессивнее. Второй приближался ему на подмогу.

Краем глаза Михаил видел, как вокруг образовалась пустота. Припозднившиеся прохожие переходили на другую сторону улицы. Опасливо оглядывались. Неожиданно прозвучало английское: «Мани! Мани!» Михаил почувствовал – кто-то лезет в задний карман. Прижал его рукой и резко обернулся. Сзади стоял третий. Этот был покрепче – тоже чёрный. Лысая голова, голый бугристый от мышц торс, широкие плечи. Ростом Михаилу до подбородка. Сразу отскочил в сторону, сжал руки в кулаках, поднял к лицу. Может, боксер? Главное, чтобы не было оружия!

Михаил достал кошелек из кармана, раскрыл, пытаясь разобраться с ценностью купюр. Было темно. Со стороны мелькнула полосатая футболка. Тонкая цепкая рука мгновеннохватила портмоне. Но тут же получила от Михаила сильный шлепок по кисти. Кошелек выпал на асфальт, купюры разлетелись. Михаил наклонился, чтобы поднять. Но чья-то нога в кроссовке оказалась быстрее. Кошелек зашуршал по асфальту, удаляясь в сторону. На едва освещенном тротуаре блеснула обложка паспорта. Михаил схватил его, но тут же почувствовал несильный удар в ухо. Злость вспыхнула мгновенно. Разогнувшись, увидел в руках лысого – нож. Так и думал! Вспоминать уроки рукопашного боя было некогда.

Скинул сумку с плеча и перехватив ее за ремень, с разворота шарахнул по черной физиономии. А затем по руке. Парень не ожидал – нож вылетел и зазвенел о мостовую. Тут же был подхвачен полосатиком. Пришлось ударить его ногой в пах, и он подскочил вверх, завизжал словно поросёнок, рухнул, стал извиваться. Невдалеке послышались возгласы. Лысый что-то крикнул. В ответ стал приближаться топот. Похоже, бежали еще несколько человек. Оставаться было нельзя. Михаил, зажав в руках паспорт и сумку, рванул вниз по улице.

Обернувшись на повороте увидел, как грабители, нагибаясь, собирают разбросанные купюры. Затем неторопливо пошли за ним. Можно было не бежать, но преследователи не отставали. Куда направиться? Не зная города. По наклонной вниз – значит, к морю. Там много офисов банков, дорогих гостиниц и полицейских машин. Быстрым шагом Михаил вышел на одну из улиц, идущих к пляжу, и остановился, раздумывая. Прижался к стене. Вошел в тень.

Подумал, что уже никто не купается. По проспекту гуляют толпы танцующих. Все блесстит-переливается. В такой мишуре вставят нож – никто не заметит. Утром подберут как наркомана. Неожиданно в конце улицы появилась группа чернокожих. Стали подниматься навстречу, глядели по сторонам, словно кого-то искали. Михаил оглянулся. Преследователи

так же разошлись в цепь. Через стекла осматривали салоны припаркованных автомашин, заглядывали в закутки зданий.

Впереди светился огнями подъезд дорогой гостиницы. На входе швейцары в черных костюмах с галунами. Несколько автобусов – в них садились отдыхающие. Выходили из дверей отеля. Празднично одетые, некоторые в ярких разрисованных костюмах, клоунских шапочках. Женщины в блестящих очках-масках.

Михаил зашел в отель. Мужчины за стойкой ресепшен внимательно посмотрели на него, но ничего не сказали. Увидев туалет, прошел внутрь. Умылся. Надеялся, что преследование прекратилось. Надо было срочно связаться с банком, чтобы заблокировать счет. На карте оставалась большая сумма. Тем более, что Лили будет переводить на неё деньги от фирмы. Хотя – какая фирма, если там уже прошел обыск. Решил, что всё сделает утром.

Выйдя в фойе, неожиданно увидел, что грабители смотрят на него через огромные стеклянные окна, открывающие весь первый этаж. Встретившись взглядом, стали зубоскалить. Затем рассосались по сторонам.

«Как только автобусы отойдут – меня вышвырнут, – подумал Михаил, – и неизвестно, что со мной сделает эта банда. Скорее – известно. С таким ростом не скроешься. Вызвать полицию? Нет, с ней связываться не хотелось. Оплатить здесь номер – нет денег. Все у грабителей. Хорошо, хоть паспорт успел схватить».

Заметил, как один из сотрудников гостиницы направляется к нему. Подошел, задал вопрос. Михаил переспросил по-английски. Тот что-то сказал про «автобус». Пришлось кивнуть, и мужчина, бережно взяв его под локоть, повел на выход. Что-то крикнул швейцару, и тот стал торопить взмахами руки.

С двух сторон от освещенного подъезда, словно тени, стояли преследователи. Из темноты сверкали их белые рты, поблёскивали глаза. Михаил ступил на подножку и оказался в салоне. Не обращая внимания на вопросы водителя, прошел вглубь.

Глава 6. Оперативное внедрение

Операция была назначена на десять часов вечера.

Михаил нашёл свою старую цепь под золото, которую много лет назад привез то ли из Эмиратов, то ли с Кипра. Похожа на якорную – весом в полкило. Достал часы «Патек Филипп». Подделка. Оригинал которых оценивался в несколько сотен тысяч долларов. Ездил с ними на стрелки, косил под продажного мента, охмурял бандитов. Те велись. Шли на контакт.

Пришлось слегка надраить металл пастой ГОИ и войлоком, чтобы снять тусклый налет. Раньше, когда служил, эти предметы не залёживались. Использовались всем отделом по полной.

Остальное – как обычно: костюм, рубашка, галстук. Накинув белый плащ, двинулся к остановке троллейбуса. Ехать было двадцать минут.

В этот час коридоры управления были пусты. Гулким эхом отдавались шаги кого-то из дежурной службы. Иногда гремела ведрами уборщица.

Алексей встретил Михаила внизу и провел в кабинет. Там уже сидели Сараев и Франчук. На журнальном столике – бутылка коньяка той же, недорогой, марки, что и прошлый раз, коробка конфет, порезанные колбаса с сыром, хлеб.

Поздоровались.

– Что-то твои задерживаются, – волновался Игорь, – может, передумали?

– Нет, – Михаил был спокоен, – раз договорились – придут вовремя. Это же офицеры!

– Ну мало ли... вы же теперь в запасе...

Зазвонил телефон, с пропускного пункта сообщили, что пришли гости.

Алексей снова пошел вниз, привел Сергея и Николая.

– А ваши-то где? – теперь была очередь наезжать Михаилу. – Кто будет прикрывать?

– Наши сидят по кабинетам. Сейчас должны ребята подойти с технического управления, будем вас оборудовать, – сообщил Сараев, – а пока есть возможность перекусить. Кто у нас самый молодой? Алексей – разливай! Сам ни-ни! Тебе за руль.

Наполнили коньяком стопки. Выпили, закусили, снова выпили.

Вскоре появились два специалиста. Поздоровались. Сараев представил отставников.

– Поскольку Михаилу придётся раздеваться – ему барсетка. Остальных оборудуем по полной, – заявил старший пришедших.

Другой отвел Михаила в сторону. Стал объяснять, как надо пользоваться оборудованием. Как включать, куда ставить, за чем следить.

Сивакову и Полинову пришлось снять верхнюю одежду, чтобы заправить провода и нацепить микрофоны.

Затем все сели за столик. Алексей принёс еще стопки и разлил коньяк. Выпили за содружество сил, затем за успех. На третий – не чокались. Как обычно, встали – за тех, «кого с нами нет».

Снова пили, закусывали. Вроде как опьянели, но это было обычное рабочее состояние оперов. Как «сто грамм» перед атакой. Уточняли моменты операции, распределяли роли.

Неожиданно в коридоре загрохотало. Точно катили несколько деревянных бочек.

– Подкрепление пожаловало! – обрадовался Сараев. Встал и открыл дверь.

На пороге появился здоровенный парень весь в черном. Сверху – бронежилет, разгрузка. Полная экипировка. Короткий автомат, пистолет, нож и всё остальное, что положено. На спине – в рамке надпись «спецназ». На предплечье – голова тигра. Снял перчатку без пальцев, протянул руку:

– Командир отряда, майор...

Поздоровались.

– Отлично! – обрадовался Сараев. Натри группы делитесь. Сейчас я подойду, расскажу, что делать.

Командир вышел.

– А чего это ты тюремный «Тайфун» заказал? – тихо спросил Михаил.

– Да, понимаешь, там наш ОМОН подрабатывает... чтобы не проколотся.

Когда Сараев вернулся, специалисты попросили написать расписки об ответственности за сохранность оборудования.

– Это зачем? – удивился Сараев.

– Ну, так положено, – старший из технической службы скривил улыбку, – вдруг ваши внедряемые скроются, или с ними что-то случится? Чтобы с нас не вычли! Начальники теперь требуют.

– Раньше такого не было, идиоты ваши начальники, – встрял Михаил, – оборудование секретное. Это же статья! Вижу – маразм со временем крепчает!

Специалисты пожали плечами – приказ есть приказ!

Сараев полез в сейф и достал деньги. Распределил на троих пенсионеров:

– Только не шиковать! Потом отчитаетесь! Должно на всё хватить – цены мы знаем.

– Вот это другое дело! – обрадовался Сиваков. – А я уж думал, за свой счет будем изобличать!

– Пора звонить, – произнёс Сараев, поглядев на часы. Достал из стола сим-карты и раздал отставникам, – поменяйте! Использовать только их. Они на контроле. Потом сдать не забудьте!

Пока Михаил копался с открыванием и закрыванием телефона, Сараев принёс журнал с обнажёнными девицами. Все как на подбор – одна красивее другой. Нашел нужную страницу. Ткнул пальцем в номер телефона:

– Шикуй, – усмехнулся, – заказывай на свой вкус! Говори подольше. Что там у них есть? Расспроси, какие условия, цены, поторгуйся. Большой ли выбор. Пусть назовет под запись свой адрес и имя.

Один из специалистов достал прибор и, раскрутив провода, закрепил на телефон Михаила присоску. Сам одел наушники. Включил тумблер. Выкинул большой палец вверх – начинай!

Михаил выбрал яркую стройную блондинку, похожую на молодую Мэрилин Монро, набрал номер.

Трубку взяли быстро. Но сообщили, что данная девица на выезде. Что есть аналогичная, новенькая, будет ждать. Пришлось шутить, расспрашивать – как учили. Требовал собрать всех девчонок для выбора. На этом и порешили.

Сараев был доволен. Во время разговора держал указательный палец вверх, заставляя соблюдать тишину. Шёпотом подсказывал на ухо.

– Квартиру не назвала, – усмехнулся Михаил, выключив телефон, – только дом. Зовут Мария. Сказала, когда подъеду, перезвонить. Скажет, как дойти.

– Шифруется! – кивнул Сараев. – Знаем эту сутенёршу. Умная мамашка. Ну что – на посошок, и вперёд на штурм? Номера на машинах не забудьте поменять!

– Давай, наливай, за удачу... – загалдели сотрудники.

– Так, пенсионеры, – внезапно всех остановил Сараев, – чуть не забыл. Документы, деньги, удостоверения – всё ко мне в сейф! Не дай Бог засветитесь – там ребята серьёзные, бритвой по горлу... или деньгами не теми расплачиваться начнёте – провалите мне операцию!

Сложив вещи, снова подняли стопки.

В коридоре тремя группами вдоль стен, на корточках, сидели спецназовцы. На головах – каски, на лицах – маски. Точно из компьютерных игр. Вспоминали свои подвиги, чужие проколы, тихо посмеивались. Сараев вывел к ним оперативников в гражданском, велел познакомиться, чтобы киборги в суете не перепутали их с преступниками, случайно не покалечили.

Подвел Михаила. Когда встали в кружок, начал:

– Это наш сотрудник. Отвечаете за него головой. Запомните как следует, чтобы не спутать, когда войдёте. Он будет одним из заказчиков. Я тоже с вами... – затем обратился к Михаилу: – Как только закончишь документировать, позвони мне и вызови такси. Мы будем ждать. Дверь откроют – войдем. Так что держись подальше.

– Понял, – отозвался Михаил. С усмешкой заметил, – ничего не изменилось.

– Ничего! Работаем по старинке, – Сараев хлопнул его по плечу. Затем пошел к другим группам знакомить сотрудников, уточнять способы связи, условные слова, другие важные моменты.

Глава 7. Знакомство

Михаил сел на свободное последнее сиденье. Автобус тронулся. Сначала ехали быстро по широкому проспекту. Затем свернули. Чем дальше, тем дорога становилась уже, скорость замедлялась. Стали продвигаться медленно. Выискивали потайные обходные дороги с резкими подъёмами, большими наклонами. Куда ехали – непонятно. Может, на пикник в горы? На душе – тоска. Подумал, что если автобус свалится со скалы или загорится, не будет паниковать, искать спасения. Главное, чтобы всё закончилось побыстрее и без боли.

Постепенно снова углубились в город.

В окнах – освещенные фонарями улицы запружены людьми. Народ веселился. Много иностранцев, выделяющихся цветом кожи и одеждой. В руках фотоаппараты. Периодически то с одной, то с другой стороны накатывала музыка. Под ритмичный мотив извивались женские и мужские тела. Самба! Самба де Жанейро! Стреляли хлопушки, небо вспыхивало от салютов. Все гудело и ухало. Автобус кругами поднимался на холм, а потом спускался вниз. Петлял среди зданий. Водитель явно искал свободную дорогу. Это было сложно, периодически останавливались.

Стоило автобусу притормозить в пробке, как кто-то уже подсказывал к окнам. Стучал в стекло.

Махал руками, выманивая. Приглашал присоединиться к танцу. Группы людей двигались хаотично. Без какого-либо общего направления. От этого создавалось ощущение всеобщего перемешивания. Словно кто-то водил невидимой палкой, закручивал всех в водоворот, пытаясь добиться единого ровного цвета из многочисленного расового разнообразия.

Скоро автобус проехал вдоль высокого цементного забора и остановился у входа, куда утекал народ. Там виднелись несколько турникетов, и каждый подошедший кланялся им, словно божествам. После чего получал от служащих красочные проспекты и проходил дальше.

Михаил вылез со всеми. Пассажиры подхватили его и увлекли с собой. Подойдя к проходу, он заметил, что у каждого на шее висит бейджик, и даже не один. Наклоняясь, прикладывали его к сканеру, и створки открывались, пропуская. Было непонятно, куда идёт столько народу. За проходной виднелась железобетонная серая стена высотой с пятиэтажный дом с открытыми лестничными пролётами. Люди поднимались вверх, уходили вглубь на разных этажах, исчезали внутри.

«Прутся на футбол, – подумал Михаил, – это не для меня. Да и билета нет».

Насилу выбрался из всеобщего потока и двинулся по тротуару вдоль забора. Его длина казалась нескончаемой. Неожиданно за поворотом – большие металлические ворота, а перед ними широкая мощённая площадка с пустыми контейнерами для мусора.

Тут же несколько лавочек, на некоторых сидели рабочие в синих комбинезонах. Человек пять.

Похоже у них был обеденный перерыв. Кто-то пил из бутылки, другие ели с маленьких пластиковых тарелочек. Все глядели в сторону закрытых ворот. Через металлическую решетку был виден уходящий вдаль стадион, в виде широкого проспекта, с высокими трибунами по обеим сторонам. Футбольных ворот нигде не было. Скорее приспособлен для бега. Лёгкая атлетика – решил Михаил. Местный чемпионат. Не заметив вокруг ничего подозрительного, сел на лавочку передохнуть.

Неожиданно в дальнем конце стадиона раздались взрывы. Взметнулись огненные стрелы, распустились мерцающими шарами, начался салют. Оглушительная канонада отразилась шумом на трибунах, волнующий гомон – точно эхо от грохота. Замигали вспышки фотоаппаратов. Послышались восторженные крики, болельщики вскакивали и махали руками, красочными лентами, толкали летающие разноцветные шары.

Через несколько минут гром салюта стих, и послышалась мелодия самбы. Звучала то маршем, то неожиданно становилась более мелодичной, пробивался мужской баритон, в промежутках – бравый хор. Нарастала издалека. Но постепенно становилась громче. Начинала оглушать барабанным боем. А вместе с ней с противоположного конца стадиона стал медленно накатывать причудливый пёстрый поток из танцоров и танцовщиц в пёстрых нарядах из перьев, бумажных и матерчатых полос, усеянных блестящими стразами и осколками зеркал. Словно бурная пульсирующая лава текла по жёлобу, плескалась, била в боковые ограждения, отражалась волнами. Несла с собой огромные статуи. Высотой до десяти метров. Медленно плывущие в центре, следующие поступательно одна за другой. Голова гигантского зеленого гнома сдвигающимися глазами и ушами. За ней – оживший краб, размахивающий клешнями. Потом Пинокио с удлиняющимся носом, змей с тремя головами, выдыхающими дым, и снова что-то фантастическое, причудливое, огромное...

Музыка начинала оглушать.

Осенило – карнавал! Знаменитый карнавал в Рио-де-Жанейро! Слышал о нём! Вот – попал!

Чем ближе, тем явственней видны образы танцующих. Понятней сюжет. На голове гнома извивается креолка в белом, точно хохолок, раздуваемый ветром. А вокруг, внизу – колыхнется в танце волшебный лес изгибающихся причудливых деревьев, диковинные грибы и фавны.

Вскоре Михаил уже мог разглядеть лица танцующих. Загримированные девушки и мужчины неистово двигались в танце. Очаровательные красавицы в нарядах из перьев и блёсток. Полуобнаженные сухопарые мужчины с рельефными телами. Пот струится по черной коже. Оставляет на цементе мокрые капли, а то и дорожки.

Вот, наконец, стадион кончился. Металлические ворота открываются. Процессия тут же пожухла – перестала танцевать. Лица потускнели, налились усталостью. Пропали улыбки. Вблизи видно, что грим сполз, макияж разукрасил стекающий пот. Полетел в сторону чей-то блестящий золотой шлем с перьями, загремели об асфальт латы. Мужчинам легче – уходят в наряды. Девушки сбрасывают белые крылья. Отщёлкивают застёжки, развязывают узлы веревок, снимают с плеч крепёж, похожий на седло. Скидывают босоножки, вздыхают, освобождаясь. Осматривают тело, смазывают мозоли, натертые открытые раны. Просят друг друга помочь. Негромко между собой переговариваются. Делятся впечатлениями. Кого-то уже встречают. Оставшиеся тут же садятся на лавочки передохнуть. Такая общая усталость, точно они вышли из забоя шахты, отработав смену.

Михаил встал, освобождая место.

В ворота въехала платформа с головой гнома. Танцоры слезли. Машина повезла голову дальше, свернула за стадион.

Но музыка не прекращается, издали надвигаются всё новые композиции, статуи-великаны, духовые оркестры.

Рабочие в синих комбинезонах расчищают площадку для следующих танцоров. Собирают брошенные украшения. Часть уносят за угол, что-то сразу бросают в мусорный контейнер. Было жалко такие наряды. Заметно, что над ними трудились долго.

Михаил решил поглядеть ближе. Пошёл за угол. Куча нарядов в лучах прожекторов походила на груды сокровищ, переливающихся в свете софитов. Потрогал. Поднял ожерелье из лоскутков, стал рассматривать. Примерил шлем. Смешно. Попробовал надеть крылья, но не смог справиться с застежкой. И те повисли. Подумал, что похож на падшего ангела.

Рабочие не обращали на него внимания. Приносили всё новые наряды и бросали их в кучу.

Неожиданно подошла пожилая пара. Долго топтались рядом. Смущаясь, заговорили. Михаил узнал «пшекающую» речь поляков. Показывали пальцем на шлем с перьями, который лежал сбоку. Михаил кивнул. Женщина взяла убор в руки, стала рассматривать, что-то сказала

мужчине, и тот, открыв кошелек, протянул Михаилу несколько купюр. Улыбнулся. Взяв спутницу под руку, быстро удалился. В руке Михаила оказались реалы. Пересчитал – почти сотня! Подошли молодые ребята. Говорили по-английски. Спросили, можно ли купить. Михаил не растерялся и даже назвал примерную цену. Покупатели расплатились долларами.

Было страшно – вдруг поймают? В результате – кутузка, экстрадиция. Но что же делать? Работы нет, денег тоже. Надо как-то выживать. Если даётся шанс? Ведь это не он сам придумал! Кто-то на небесах помогает.

Осторожно, опасливо озираясь, решил – только если сами подойдут. И люди шли...

Скоро перед ним выстроилась очередь. Рабочие в синих комбинезонах стали неприятно коситься и тихо переговариваться между собой. Но после того, как Михаил дал им по двести реалов, заулыбались. Работа пошла веселее. Уборщики уже не кидали вещи в одну кучу, а раскладывали, как он указывал: крылья в одно место, шлемы в другое, латы и прочую экипировку в третье. Туда же изредка летели женские босоножки.

Покупателей было много. Комиссионка работала безотказно. Проезжали платформы с громадными фигурами. Танцоры продолжали освобождаться от пут и уходить. Часа через три цены сформировались сами. Михаил не напрягал – просто сидел на лавочке и смотрел за порядком. Ни с кем не разговаривал, чтобы, не дай бог, столкнуться со своими земляками. Из периодически звучащей русской речи он понял, что карнавал будет длиться до шести утра, а завтра начнётся снова в девять вечера.

Покупатели выбирали товар и подходили, чтобы заплатить. Денежки потекли рекой. Можно было подумать о налаживании бизнеса завтра. Но все же страшно – на всякий случай посматривал на пути отхода.

Черноволосый парень лет двадцати пяти, сняв соломенное сомбреро, долго примерял шлемы. В ход шли и мужские, и женские. Рядом суетилась невысокая девушка в розовой кофточке с отложным воротником, синих джинсах и кроссовках. Торопила. Капризно глядела по сторонам, морщилась. Ей было под тридцать. Большие черные глаза, блестящие смоляные волосы стрижены под сессон, чуть ниже мочки. При повороте головы, передние пряди игриво закидывались на щеки, покрытые оспинками. Язык, на котором общалась пара, казался знакомым, но всё же непонятным.

Наконец, молодой человек сделал выбор. Положил шлем в полиэтиленовый мешок, так, что перья от него торчали наружу, двинулся к Михаилу. Спросил по-английски, сколько стоит.

В этот момент, словно вихрь, налетела подруга парня. Стала громко браниться, переходя на английский. Махала руками. Потом выхватила у парня мешок со шлемом, стала тыкать им Михаилу в живот. Показывая на продолжающееся шествие карнавала.

Михаил понял, что они хотят получить шлем бесплатно. Не так было жаль денег, сколько устоявшейся процедуры. Нарисовались какие-то молокососы и диктуют свои правила. Насколько позволял английский, он пытался их урезонить. Показывал на остальных покупателей, которые уже стали подозрительно посматривать на скандальное общение. Некоторые под шумок пытались улизнуть. Похоже – русские. Таким образом можно было потерять всех своих клиентов, а вместе с ними и налаженный бизнес. Пришлось попросить девушку уйти. Но это её не устраивало.

Она сказала, что английский Михаила никуда не годится, и стала выяснять, кто он такой. Спросила по-португальски, затем по-испански и по-немецки. В ответ получила молчание.

Наконец в её речи послышалось знакомое слово «полиция». Стала озираясь по сторонам, выискивая стража порядка. Михаила отрезвило. Показная агрессивность прошла. Маска бизнесмена сползла с лица. Он, как мог, стал успокаивать девушку. Черт с тобой – забирай шлем и проваливай!

Неожиданно она улыбнулась своей догадке. Хитро прищурилась. Похлопала Михаила по животу и затараторила очень быстро и эмоционально на понятном ему языке.

– У тебя совесть есть? Приехал сюда, такой большой, и начинаешь наводить свои порядки! Я уже не первый год приезжаю на карнавал, а с такой наглостью не сталкивалась! Языков не знаешь, ты, верно, русский?..

Михаил удивился, как хорошо он понимает английский, но появившееся тщеславие тут же дало трещину – осознал, что девушка говорит на его родном языке, от которого за несколько дней он успел отвыкнуть.

Пришлось сознаться. Недоумение на лице парня исчезло. Он тоже всё понял. Стал улыбаться. Затем повесил мешок на руку, вынул из кармана айфон, стал тыкать в него пальцем. Общение его не интересовало.

Выяснилось, что девушку зовут Диана. Она из Южной Осетии. Живет здесь уже пять лет, получила гражданство. Перебралась после военного конфликта с Грузией. Родной брат Авдан приехал в гости посмотреть карнавал. Теперь было понятно, почему язык казался знакомым – о великий Советский Союз! Неожиданно от этой встречи повеяло теплом. Торговля остановилась. Украшения просто разбирались и уносились.

Михаил рассказал, что был ограблен. Как заскочил в случайный автобус и прибыл сюда. Что делать дальше, не знает. Попросил, чтобы звали по имени Мигель.

– Думаешь, бандиты смогут тебя выследить? По регистрации в гостинице?

– На всякий случай, – скромно отозвался Михаил, не хочу афишировать, что я русский.

– Хорошо, согласилась Диана, – но все равно не стоит здесь торговать долго. В шесть утра, под конец карнавала, придут туристические группы с провожатыми. Те знают, что вещи продаваться не могут и раздаются на сувениры. Так что легко можно попасть в участок.

Михаил посмотрел на часы. Было три ночи. Погрустнел. Идти было некуда. Если только в какой ресторан.

– А вы сейчас куда? – спросил он. – Может где-нибудь пообедаем? Деньги есть!

Похлопал себя по карману, набитому разнообразной валютой.

Вспомнил, что по-человечески перекусить не удалось. Расставаться не хотелось. Это были первые люди в Бразилии, с кем он мог свободно поговорить. Маленькая воздушная ниточка, тянущаяся через океан в Россию. К друзьям, к родным, к Лили... Потекли флюиды.

– Вообще-то мы хотели отдохнуть, – с сожалением улыбнулась Диана. – Обещала брату завтра экскурсионный день.

Но в глазах её блеснул озорной огонёк, и Михаил решил продолжить уговоры. Сослался, что идти ему некуда. В гостинице ждут грабители. Города не знает. Языка не понимает. Не ел целый день и готов платить за всех...

Женское сердце растаяло:

– К сожалению, с едой ночью напряжёнка. Придётся ехать в клуб – там, может, чего и перекусим.

Услышав про клуб, Авдан оторвался от айфона. Заулыбался. Это был худощавый парень чуть младше сестры и такого же роста. Узкая, редкая черная борода вилась от одного широкого бакенбарда к другому через подбородок. Топорщилась под нижней губой. Большой туповатый нос и маленькие глазки придавали улыбчивому лицу выжидательно-вопросительное выражение. Выдавали наивность.

– Не лыбсь так, – обратилась к нему сестра, – выглядишь идиотом. Скоро айфон с лицом срастётся. Не надо будет за ним в карман лазить... Танцевать будешь только со мной. И, повернувшись к Михаилу, добавила: – Всё хочет самбу закрутить с местной девчонкой. Из интернета не вылезит. Начитался о фривольном поведении местных красавиц, кобель.

– Да я и ничего... – смущённо проговорил парень. Сунул телефон в карман. Лицо засветилось. Еле сдерживал радость воображаемых фантазий предстоящего вечера. Он был рад, что его сестре есть кем заняться, и надеялся улизнуть от неотступного покровительственного вни-

мания. Визитка с адресом её квартиры была в кармане, и в любое время он мог приехать на такси.

Глава 8. Притон

Машина подъехала к указанному дому. Оказался девятиэтажным. Сидя в салоне, допили остатки коньяка. От горячего алкогольного дыхания четырёх человек было душно, окна запотели.

– Во какая маскировка, – пошутил Михаил, проведя пальцем по стеклу, – снаружи не увидят!

– Это точно, – подтвердил Сараев, сидя за рулем, – раньше хоть тонировать разрешали – теперь нет. Мало того, что нам, так филёрам – тоже. Сидят вчетвером под адресом как в аквариуме. Смотри – не хочу. Ладно, звони! Не грузись – ты должен быть весёлым!

Специалист снова поставил на телефон присоску. Михаил нажал повтор.

Сообщил, что подъехал. Выслушал ответ. Выключил телефон. Повернулся к Сараеву:

– Сказала подойти ко второй парадной, сейчас выйдет и встретит.

– Просто партизаны! Проверяются! Сами в третьей обосновались. Ну посмотрим, куда поведёт! – Сараев протянул барсетку. – С Богом! Помнишь, как включать?

Михаил ткнул пальцем внутрь, но не попал. Сбил какой-то провод. Разочарованно хмыкнул. Убрал руку.

Сараев вздрогнул, оглянулся на специалиста:

– Много не пей! И в неё не лазай, деньги переложи в карман, – насадил контакт и включил тумблер, – давай! Береги себя.

Обнялись, как могли, в машине.

Район был новый. Уличное освещение ещё не подключили, и тротуары подсвечивались только светом из окон. Михаил направился ко второй парадной. Машина скрылась за углом. Из неё вышел молодой оперативник на подстраховку. Сделал вид, что пьяный, прогуливается между домами.

Убедившись по нумерации квартир, что стоит на оговорённом месте, Михаил осмотрелся. Взглянул на часы. Было уж полночь. Редкие прохожие пересекали двор, спешили. В небе стояла луна, светили звёзды. Стала бить нервная дрожь, какая обычно случается перед чем-то важным, ответственным. Чтобы её унять, стал топтаться на месте, создавая вид нетерпеливости.

Неожиданно сбоку подошла высокая широкобёдрая женщина в серой шерстяной кофте. На голове – тёмный платок. С акцентом произнесла:

– Марию ждёшь?

Михаил повернулся, кивнул, прижав сумочку подмышкой и придерживая руками как учили. Волнение улеглось – началась работа. Подумал, что камера как раз снимет её лицо. Но слишком темно, надо будет зафиксировать в лифте. Женщина ему не понравилась. Хороша мамашка! Была похожа на моджахедку, что показывают по телевизору. Глаз не видно – один смуглый оспенный нос и поджатые губы. Едва вымучил улыбку:

– Ну, где твои красавицы?

– Красавицы ждут своего кавалера. Ты только смотри их своим весом не задави! Иди за мной.

Повела в соседнюю парадную, как и предупреждал Сараев. Нажала переговорное устройство:

– Мы идём, все в порядке.

– Хорошо, – ответил хриплый мужской голос.

Михаил почувствовал себя неудобно. А вдруг там засада. Никакие не проститутки, а обыкновенные разбойники? Нож к горлу – денежки на стол. Хорошо если так, а то и в окно

выбросят. Кто будет потом разбираться, как он здесь оказался и выпал из притона – сам виноват.

Пока поднимались на лифте, Михаил держал барсетку как надо. Сильно волновался. Успел несколько раз почувствовать себя зарезанным, застреленным, взятым в заложники и увезённым в рабство.

На площадке пятого этажа вышли. На всякий случай запомнил номер квартиры. При входе на табуретке – охранник. Мужик кавказец лет под сорок. Чуть приподнял загорелое лицо на Михаила. Оценивающе оглядел. Ничего не сказал. Из коридора было видно, что комнат много: три или четыре. Слева – кухня. Там что-то готовили. Стол уставлен бутылками с разнообразным спиртным.

– Вон туда, – указала мамашка на дальнюю дверь справа. Скинула платок. На вид ей можно было дать и тридцать, и пятьдесят. Голос грубый чванливый, взгляд недоверчивый. Чувствовалось, что работу свою выполняет без удовольствия. – Сейчас девочек приведу.

Подождала, пока Михаил зайдет.

В комнате играла музыка. У стены стояла кровать, застеленная дешевым покрывалом. В изголовье – полотенце. Деревянные лакированные спинки покарябаны. У окна журнальный столик, кресло и вешалка. Подумал, что очень удачно. Отодвинул столик подальше в угол. Поставил на него барсетку так, чтобы камера видела как можно большее пространство. Сам снял плащ, повесил на вешалку и сел в кресло. Стянул галстук. Расстегнул рубашку, чтобы виднелась цепь. Рядом на полу работал приёмник. Лишние звуки были ни к чему – выключил.

Прошло минут десять, прежде чем открылась дверь и стали заходить девушки. Красавицами их назвать было трудно. Походили на дочерей Марии. Такие же смуглые носатые с мышиными глазками и большими толстыми бровями, у некоторых – сросшиеся. Шли, хихикая, щипая друг дружку, шутливо подталкивая. Головы – внаклонку, глаза в пол. Ну точно «Белое солнце пустыни» – не хватает паранджи.

Тихо звучала непонятная речь – Мария ругалась на подопечных, выстраивая у стены.

Михаил вздохнул. Куда меня занесло? Может, они здесь джихад организовали, сифилисом заражают или ядами травят? Неуверенно спросил:

– А где блондинка-то, которую обещали?

– Долго ехал, дорогой, – сильнее нахмурилась Мария, рот недовольно искривился, – увезли джигиты твою блондинку. Вот всё, что осталось.

Михаил внимательно посмотрел на девушек. Не густо. Как сестры. Похоже, все они были одной национальности. То ли азербайджанки, то ли армянки, а может, из Дагестана или Чечни. Он уже не думал о том, чтобы с кем-то из них любезничать. Выбирал, кто поменьше росточком, полегче, искал в лице покорность. Чтобы не стукнула по голове, когда он отвернётся, не всадила нож.

Переводил взгляд с одной на другую, гадал. Подумал, что таких страшных ему ещё никогда не предлагали. Посмотрел на ту, что стояла в центре. Неожиданно девушка подняла голову. Взгляды встретились. Она резко прикрыла лицо руками и попыталась уйти. Мария схватила её на полпути, заругала по-своему, поставила в строй.

Михаил почувствовал, что это – знак. Указал на неё.

– Хорошо, – согласилась Мария, – сейчас вернусь.

Увела девушек с собой. Закрyla дверь. Михаил покосился на сумочку – она стояла как надо. Огляделся еще раз – возможно, в комнате есть скрытые камеры, и за ним наблюдают. Откинулся на спинку, ногу на ногу, вид беззаботный.

Через минуту снова появилась Мария с маленькой затертой сумочкой из коричневой кожи. Произнесла заученно:

– Час – две тысячи, два часа – три тысячи!

Михаил стал торговаться, как учили. Задавал скабрёзные вопросы, расспрашивал о вариантах – самому было тошно. Успокаивало, что всё это ляжет в основу доказательств. Когда иссяк, заявил:

– Хватит одного часа.

Достал из кармана меченые деньги и протянул хозяйке. Подумал, что и того много, обошёлся бы и десятью минутами.

– Что еще принести? Наши девушки любят шампанское! – Мария увидела цепь на шее Михаила. Первый раз улыбнулась. Но как-то убого. Во рту сверкнули золотые зубы. Глаза стали масляными.

Михаил подумал, что она похожа на бабу-ягу. Сейчас посадит его на лопату и в печку! Только шампанского ему не хватало – полирнуть! Отсчитал шесть тысяч, кинул на стол:

– Принеси бутылку коньяка, шоколад и попить что-нибудь – может, сок или минералку. Мария угодливо склонилась и взяла деньги. Вышла.

Глава 9. Ночь в Рио

Михаил чувствовал, что ему повезло. Как это происходило всю жизнь до последнего момента. Попадая в безвыходную ситуацию, и находясь в полном отчаянии, неожиданно встречал помощь. Словно ангел спасения посылал ему нить Ариадны, за которую выводил из лабиринта неудач.

Так получилось и здесь. Совершенно случайный бизнес принёс ему хорошие дивиденды. К тому же познакомился с земляками. Жизнь начинала налаживаться. И, быть может, от этой нечаянной радости в душе возродилась тяга к существованию. Тайком стал посматривать на девушку, её лицо, одежду. Слушал речь. Её немного низкий голос отдавал глубиной и открытостью.

На желтом такси они поехали обратно в центр. Улицы запружены веселящимся народом. Люди шли, танцевали, останавливались прямо на дороге, жестами предлагая водителям присоединиться к шествию, поучаствовать в карнавале. От этого создавались пробки, приходилось стоять. Никто не проявлял беспокойства. Все были рады. Несколько раз где-то сбоку завывали сирены, и туда пытались прорваться полицейские машины, но это получалось у них с трудом. Один из микрорайонов был перекрыт полностью и транспорт пускали в обход.

– Что там может быть? – кивнул Михаил.

Авдан оторвал взгляд от айфона. Посмотрел вокруг и снова уставился в мелькание на экране. Стал тыкать пальцем.

– Трудно сказать, – Диана пожала плечами, – может быть всё, что угодно. Большинство народу живёт бедно. Ты, когда ехал из аэропорта, видел их деревни на склонах? Называются фавеллами. Работы нет. Учиться негде. Наркотики, оружие, банды. Вот что ждёт молодёжь. Ты думаешь, этот карнавал от радости они проводят каждый год. Считаешь, им до веселья? В каждой фавелле своя школа самбы и своя мафия, которая её курирует. Через неё и деньги отмывают. Наркотики, проституция. Карнавал – это тоже деньги. Какая школа победит – может безбедно год прожить всей деревней. Вот и стараются. Самых красивых девочек пасут с малолетства. Не дай бог, уедет из деревни. Мафия потеряет дивиденды. Когда вырастает – караулят, охрану приставляют. На карнавале ставят в первые ряды. Дальше – остальные. Кто там их разглядит среди перьев и блёсток?

– У меня здесь тоже игра есть, – не отрываясь от экрана телефона улыбнулся Авдан, – про бразильскую мафию! Есть и фавеллы!

– А иностранцы могут участвовать в карнавале?

– Без проблем. Поезжай в фавеллу. Найди школу самбы. За пять-шесть тысяч долларов воткнут в середину, и будешь отплясывать все семьсот метров подиума. Ха-ха. Костюм подарят. Правда придётся месячишко приезжать в школу тренироваться. Ну а потом сам видел, какие девчонки выходят после прохождения. Кровь, пот и слёзы.

Машина припарковалась у подъезда серого пятиэтажного дома старинной постройки с каменными балкончиками и вензелями на эркерах. Изнутри шел непонятный гул. Стоило войти, и звуки музыки обрушивались всем своим широким диапазоном. Разговаривать пришлось, наклоняясь к уху собеседника. Внутри уперлись в небольшую очередь. Проход только по паспортам. Вносили данные в компьютер, выдавали магнитную карту для оплаты. Потерял – отдай тысячу реалов.

Что-то подобное Михаил раньше видел в Питере. Не прижилось. Научились обманывать. Когда шли большой компанией, всё записывали на одну карточку. А потом ее теряли. Было выгодно.

Михаил протянул паспорт – сердечко ёкнуло. Смирясь, подумал – вряд ли информация отсюда идёт к полицейским, всё равно по билетам определяют, что он находится в Рио. Главное

– не задерживаться. Неожиданно из-под обложки документа выпала банковская карта – какое счастье! Значит деньги в сохранности, и есть куда переводить.

Опять нахлынули воспоминания. Что там? Как Лили? Разница – часов девять. Здесь пятый час, значит, в Питере обеденное время. Лили поставила в подсобке чайник. Достала припасённые пирожные. Глазки сверкают от удовольствия. Маленькие белые зубки сминают бисквит. Капелька белого крема осталась на щёчке. Прикинулась родинкой. Как бы он хотел быть рядом. Приблизить свое лицо, почувствовать знакомый тонкий аромат её духов. Осторожно кончиком языка слизнуть сладкую капельку. Нет, лучше взять голову Лили в руки, чтобы она не могла противиться и лизнуть от подбородка до лба, как корова своего телёнка. С придыханием, горячей влажностью. Почувствовать капризное сопротивление. Увидеть сморщенный носик, сощуренные глаза. Услышать недовольное мычание – во рту кусок пирожного. И снова языком снизу вверх и ещё. Пока все лицо не станет мокрым. Не пойдет пятнами возмущения, похожими на признаки возбуждения. И тогда впиться в губы, ароматные, сладкие от оставшегося десерта. Так уже было... Или едет со своим шефом в ресторан?..

Сначала Диана организовала экскурсию – провела по всем залам. Оказалось, их четыре. На каждом этаже. И везде свой стиль музыки. Внизу – рок, на втором этаже – диско, выше – самба. Дальше – что-то ещё, названия Михаил не знал. Везде горели прожектора, вспыхивал неон. И только коридоры и лестницы были освещены ровным светом, не давили на мозг и не будоражили психику – предоставляли время подумать, куда идти дальше.

Танцы не интересовали. Решили остаться на первом этаже. Зал был самый большой, и музыка не такая однообразная, как на остальных площадках. Изредка на сцену выходили группы, пели вживую.

Высмотрели местечко в углу. Еле пробились через дефилирующие в разных направлениях компании. Пытались отгородиться полумраком. На столике горели свечи. Еды в меню было немного – в основном, спиртное. Заказали какие-то салатики, креветки, бутерброды. Авдан повесил мешок на спинку стула, сверху приспособил сомбреро и сел, достал айфон.

– Что они здесь пьют? – спросил Михаил.

– Кашаса, – улыбнулась Диана, поняла суть вопроса.

– Это что?

– Нет ничего проще – самогонка из сахарного тростника.

– Очень интересно, – Михаил предвкушал новые ощущения, – и как?

– Нормально, я уже привыкла. Даже нравится. Остальное как в Европе. Повернулась к брату: – Убери этот чертов айфон, или я выброшу его.

Авдан послушался.

Сделали заказ.

Первый тост был за знакомство. Михаил понюхал напиток. Запах был насыщенный, даже жирный, отдавал травами. Вкус походил на текилу, но более ароматный, тягучий. Слегка лекарственный. Передёрнуло. Поёжился.

Брат Дианы поднёс стакан сестры к носу. Поморщился и вернул. Налил себе сок. Ухмыльнулся:

– Вам больше достанется!

Принялись за еду.

Кто-то постоянно толкал, пробираясь к танцевальному пространству, неосторожно опираясь на плечо, теряя равновесие от опьянения. Приходилось отодвигаться, придерживать, уклоняться. Видеть чужие улыбки, сверкающие зубы, слышать извинения, определяемые по тональности, чувствовать фамильярные похлопывания по плечам.

Кое-как насытились. Кашаса стала более приятной. Пилась с удовольствием. Авдан снова достал айфон, тыкал пальцем.

Михаил стал обращать внимание на окружающих. Народу было много в основном – взрослые. Попадались пожилые пары и молодящиеся старые ловеласы в майках с неоднозначными надписями на английском, типа: «Сексуальный перчик» или «Попробуй меня на вкус», «Размер имеет значение». Несколько парней образовали в центре кружок. Поставили внутрь бутылки с пивом, начали извиваться в роке. Напомнило застойный период в СССР. Подумал, что вешки истории интернациональны. Все страны проходят.

Алкоголь расслаблял, и музыка стала проникать ближе к сердцу, будоражить.

Зазвучала медленная песня, и Михаил потянул Диану на площадку. Он любил танцевать. Несмотря на свои габариты, был пластичен и ловок. Пытался кружить. Неожиданно понял, что еще не прижимал Диану к себе, не чувствовал так близко. Ни у самбадрома, ни в такси. Её тело оказалось крепким и тяжелым для девушки. Слегка неповоротливое, словно набито изнутри чем-то плотным, непроницаемым. В танце двигалась медленно, с расстановкой. Пыталась вести. Справиться с ней было трудно. Подумал, что такую не завальсируешь! Внутри чувствовалось напряжение, какая-то сила и непоколебимость. Сопrotивляемость всему идущему извне.

– Ты спортом занималась? – спросил Михаил шутливо. Нагнувшись к её лицу. Слишком громко звучала музыка. – Рука тяжелая, треснешь, мало не покажется.

Диана подняла на него взгляд, улыбнулась:

– У нас в роду все такие. Работали много. Хозяйство большое. У меня три брата и три сестры... было. Старшего сына отец назвал Авдан, – кивнула в сторону брата, – переводится как люлька для семерых детей. Хотел, чтоб семеро было! Считал число счастливым. В год, когда ввели национальные паспорта, родилась младшенькая. Отец назвал Евой. Считал, что начинается новая жизнь.

Многие соседи принимали Еву за мою дочку. Мы не расставались. Постоянно одевала её в новые платья. Перед самой войной купила зелёные кроссовки с красными шнурочками... Очень ей нравились, не снимала...

Несмотря на скованность движений, Диана раскраснелась. Дыхание участилось. Она расстегнула несколько верхних пуговиц блузки, и Михаил увидел блестящий кулон желтого металла с изображением сидящего Будды.

– Ты что, буддизмом увлекаешься?

Она вздрогнула. В отблеске света, глаза стали грустными, затуманились. В голосе появилась томность:

– Нет... Это так...

Прижалась щекой к груди Михаила. Опустила руки с плеч, обвила вокруг талии, прижалась к животу. Как это делала Лили. Стала что-то нашептывать. Бормотала, не поднимая головы. Словно разговаривала с кем-то внутри его большого тела – произносила заклинания.

Михаил чувствовал смущение, от невозможности расслышать. Стало неловко. Наклониться не мог – мешало объятие. Положил руки сверху, почувствовал выпирающие лопатки. Погладил. Обнял за плечи. Провел по рукам. Легонько сжал. Ощутил тепло горячего тела, словно давно не обнимал женщину. Соскучился. Что-то растаяло в его душе, потянулось к спокойной душевной ласке.

Незаметно музыка сменилась, но продолжала оставаться медленной. Диана встрепенулась. Посмотрела по сторонам. Танцующие не расходились. Она снова посмотрела вверх:

– Пойдем выпьем.

Вернулись к столику. Её брата поблизости не было. Только сомбреро с кокардой в виде жёлтого ромбика в зелёном прямоугольнике висело на спинке стула, под ней – мешок со шлемом.

Подозвали официанта. Здоровяк-негр наполнил стаканы. Провел ресторанной картой Михаила по скиммеру и сразу вернул. Отошел к другому столику.

Диана опьянела. Всё чаще облокачивалась на Михаила. Сидя, клала голову ему на плечо. Что-то бормотала бессвязное, словно разговаривала сама с собой.

– Поехали домой, – неожиданно жалобно сказала она, – я устала от этих чёрных. У бра-
тельника есть визитка и телефон. Завтра поздно у него самолет, надеюсь, успеет.

Диана жила в небольшой квартире с одной спальней. В центре стояла высокая деревян-
ная кровать с балдахином. Из мебели – только самое необходимое. По стенам – картины в
старинных рамах с изображением скачек на быках.

– Ты любишь родео? – спросил Михаил, умывшись и проходя на кухню, совмещённую с
небольшой гостиной. На кожаном диване бугрилась стопка несвежих постельных принадлеж-
ностей. – В чём смысл укрощения быка?

– Надо продержаться на нём восемь секунд. – Диана успела переодеться. На ней был
черный махровый халат. Протянула стакан с кашасой. Цвет гораздо более насыщенный, чем
у той, что подавали в клубе.

Чокнувшись, Михаил выпил. Вкус оказался более терпким и травянистым. Словно лечеб-
ный настой. Можно было не закусывать.

Диана опорожнила стакан и со стуком поставила на столешницу. Опустила взгляд в пол.
Затем снизу вверх осмотрела Михаила, словно оценивая его размеры. Вскинула руки, широкие
рукава халата упали ей на плечи. Пьяно воскликнула:

– Подними меня, мой буйвол!

Глядя на её покачивающуюся фигуру, Михаил ожидал что-то подобное. Крепко охватил
девушку, сплёл пальцы в замок на её спине, чуть оторвал от пола.

– Теперь неси в спальню.

Он так и думал. Молча стал выполнять указание. Пошел медленно вразвалку, прижимая
её к своему телу как продолжение живота. Голова Дианы легла на грудь. Ноги расслабленно
раскачивались из стороны в сторону. По дороге тапки слетели – бухнули об пол.

Михаил поставил девушку перед кроватью и откинул балдахин. Нагнулся, чтобы убрать
покрывало. Почувствовал толчок сбоку и, не удержав равновесие, упал на постель. Хотел при-
подняться, но не успел. Диана ловко закинула его ноги и уселась сверху. Наклонилась вперёд,
так что волосы скрыли лицо, из ворота халата выпал металлический кулон, ударив Михаила
в подбородок. Выдохнула:

– Не шевелись, мой буйвол! Я сама!

Стала расстёгивать ремень, резко дёргая его из стороны в сторону. Грубо стаскивала
джинсы, рубашку. Казалось, сопротивляющаяся одежда вызывает у неё остервенение. Голова
недовольно раскачивалась, волосы закидывались на лицо. Она снова что-то бубнила, точно
уговаривала кого-то помочь. Затем ловко скинула свой халат и оказалась совершенно голой. В
облаке света, идущего через открытую дверь гостиной, она показалась Михаилу темным демо-
ном, вершащим свое колдовское правосудие. Не хватало хлыста.

– А теперь – продержись восемь секунд! – она обхватила голову Михаила, накрыла ртом
его губы. Вобрала в себя.

«Какая она тяжелая» – снова подумал Михаил, задыхаясь. Чувствуя, как последние здра-
вые мысли высасываются из его головы. Оставляя место для похоти и возбуждения. На битву
это не походило, скорее, на казнь. Восемь секунд показались вечностью.

Периодически инстинктивно он хотел погладить её, коснуться разгоряченного тела. Но
Диана тут же шлёпала по рукам. Заставляла раскидывать их в стороны, стонать от kloкочущей
разрывающей изнутри энергии, не имеющей возможности вырваться наружу, скрести паль-
цами, царапать ногтями постельное бельё, скручивать его в кулаках.

Потом обессиленные и потные они лежали на спутанных простынях.

Немного успокоившись, Диана встала и открыла окно. Предрассветная прохлада хлынула
в комнату.

Пришлось расправить одеяло и укрыться. Она положила руку Михаила поверх себя и уткнулась ему в подмышку. Через минуту засопела – уснула.

Михаил подумал, что ей нравится мужской запах, в этом они с Лили схожи. Сожаления не было. Совесть не мучила. Это была другая страна. Другая жизнь. Другая женщина.

Глава 10. Задание выполнено

Вместо Марии появилась девушка. Теперь Михаил мог её рассмотреть как следует. Была она в черной обтягивающей юбке чуть ниже колена и цветастой кофточке. На ногах – резиновые вьетнамки надеты на коротенькие махровые носочки. Ремешок крепления стягивал материю вглубь между большим и вторым пальцем.

Зашла и села на кровать. Сложила ладошки лодочкой между сжатых колен. Волосы черные, длинные, немного путаные. Мельком взглянула на часы, которые висели над дверью, и уставилась в угол. Михаил заметил, что, хотя она и не маленькая, но выглядит как кубышка – широка в кости. Толстые ляжки. Надо было работать. Запись шла.

– Ну давай знакомиться, – он постарался казаться пьяным, – меня зовут Михаил.

Я Наташа, – с акцентом произнесла девушка.

Михаил чуть не прыснул – надо же, выбрала себе имя! Не Ростова ли? Прямо как в Египте. Только наоборот. Там всех русских девушек аборигены называют Наташами.

– Откуда же ты, такая красивая, чернобровая?

– Здесь... недалеко... – смутилась, явно не зная, что ответить. Родину называть не собиралась – видать, нелегалка.

– И давно проституткой работаешь?

Девушка резко съежилась, но затем оживилась, расправила плечи. Вспомнила, чему учили. Тема была наработана. Начала бодро рассказывать, что живет с русским мужем-пьяницей, растит троих детей, денег не хватает...

Периодически смотрела на часы – время шло.

Зашла Мария. Принесла заказ. Положила на столик пробитый чек и сдачу. Одобрительно улыбнулась подопечной и вышла.

– Ну давай, раздевайся, – воспользовался паузой Михаил. С ужасом подумал, как придется трогать незнакомое смуглое тело девушки. Кожа её рук, лица и уходящей под кофточку шеи, была не однотонной. В некоторых местах чуть светлее или темнее. Навевала мысль о болезни или нечистоплотности. Вспоминались детские цыпки. Чтобы не думать – быстро откупорил коньяк, налил себе и выпил. Почувствовал, как в груди растеклось тепло. В голове снова начало приятно мутиться. – Будешь?

– Я не пью, – отозвалась Наташа, – сходите в душ!

– А я что – мыться сюда пришёл? – деланно возмутился Михаил. – Давай в койку! Деньги уплачены. Работай!

– Так положено! Иначе никакого секса! – голос её был твёрд.

Михаил подумал, что и так вряд ли что получится, но надо было держать марку. Хотел ещё сильнее возмутиться. Неожиданно подумал, что, может, это и к лучшему. Меньше останется времени на интимное общение. Секунду посомневавшись, взял барсетку подмышку и направился к двери. Заметил, как девушка презрительно посмотрела ему вслед.

Охранник в коридоре показал нужное направление.

Ванная комната была ужасная. Облупившиеся стены, пар, оставшийся от предыдущего клиента, эмаль раковины с подтёками ржавчины. Затуманенное зеркало. Поставил сумочку на табуретку. Разделся и встал под душ. Окатился водой. Мыться не стал. Пока вытирался, думал, что всё идёт по плану. Оставался основной момент доказательства. Вышел, обернувшись в полотенце. Снаружи ожидал сгорбленный взлохмаченный старикашка, похожий на маньяка.

Вернувшись в комнату, Михаил обнаружил девушку под одеялом. Одежда висела на спинке. Положил свою в кресло.

Выбрав нужный ракурс для камеры, поставил барсетку на столик. Снова налил себе коньяку – выпил. Поманил девушку из-под одеяла и встал рядом с кроватью, откинул полотенце.

– Какой ты богатенький, – заискивающе произнесла она, подползая и заворачиваясь в покрывало. Провела рукой по толстой цепи, висящей на шее Михаила. Глазки стали маслянистыми.

Он почувствовал отвращение, сорвал с девушки покрывало, отбросил в сторону. Как и предполагал – тело в крупных мурашках. Озноб передался ему.

Пока она возилась с презервативом, Михаил посмотрел на камеру и чуть сдвинулся в сторону, чтобы не заслонять лицо девушки и чем она занимается.

Желание отсутствовало полностью. Подумал, что надо было послать сюда Полинова – он помоложе. Может быть, и справился лучше. Но делать нечего – камера пищит! Посмотрел на часы – оставалось минут десять. Решил, что можно сделать еще перерыв – выпить. Будет причина сослаться на опьянение.

Не прерывая манипуляций проститутки, наклонился к столику, налил коньяка, вылил в рот.

У Наташи ничего не получалось. Было заметно, что ни опыта, ни желания у неё нет вовсе. Привезли из далёкого аула, кинули сюда деньги зарабатывать. Откуда знания?

– Ты чего, первый раз что ли? – надменно спросил Михаил, стараясь обидеть.

– Пить меньше надо! – огрызнулась девушка, не прекращая свои попытки.

– Ладно, поворачивайся, попробую сам! – съязвил Михаил.

Девушка нехотя развернулась на постели, встала на карачки, предоставив Михаилу любоваться её выпуклым широким крупом, покрытым множественными прыщиками, выделяющимися своей краснотой, напоминающей ветрянку. Не к месту вспомнил Лили. Её точёные ягодицы, маленькую торчащую грудь. Мысленно попросил прощения. Подумал:

«Господи, какая гадость, зачем мне это паскудство? Что я здесь делаю? Не пришлось бы за всё это расплачиваться!..»

Снова выпил, не отвлекаясь. Чёрт бы побрал эту службу! Она не может оставить меня в покое даже на пенсии! Подумал, что со стороны похож на быка-осеменителя.

Где это высокое чувство любви, которое воспевали поэты?

Элегии и баллады, возносившие близость до небес. Все это казалось сейчас выдуманным, спланированным спектаклем, чтобы отвлечь человека от рутины жизни, грязи и пошлости отношений. Закамуфлировать обычное биологическое соитие под нечто возвышенное.

Опять с нежностью вспомнил Лили. О том, как добивался её расположения. Как с замиранием сердца ожидал встречи.

Стал гнать мысли о ней, точно мог и её замарать в этом разврате. Подумал, что имел право не соглашаться на внедрение. Служба-то закончилась, надо забыть всю грязь, что пришлось терпеть столько лет... Нет! Опять потянуло в это болото. Вспомнить, хлебнуть. Видать, не хватает этого в новой спокойной жизни. Подумал, что случившееся неправильно. Нет даже обычного животного инстинкта, когда природа заставляет тянуться к противоположному полу. И это корбило Михаила до глубины души ощущением предстоящей расплаты за противоестественную, насильственную близость с женщиной. За испытанное отвращение, уничтожающее нечто возвышенное, подаренное природой, Богом. Возможно, девка тоже чувствовала что-то похожее.

Но оба упорно продвигались дальше, прижимались теснее. Мучаясь от неприятия друг друга, от тошноты. Но всё глубже погружаясь в образованную ими самими мерзость. Делали это осознанно, хотя и по разным причинам...

Камера работала, надо было продолжать.

Легонько шлёпнул девушку по ягодице. Наташа от неожиданности охнула.

Это был выход. Он положил ладони на её бедра. Стал раскачивать, подталкивая сзади. Имитация выглядела сносно. Наташа с недоумением оборачивалась, но вопросов не задавала. Видать знала об извращенцах. Михаил производил очередной шлепок – девушка послушно стонала. Подумал, что, верно, и артисты в кино так работают. Представил, что снимается фильм, успокоился. Оставалась надежда, что камера пишет исправно.

В какой-то момент девушка подняла голову и посмотрела на часы:

– Всё, время вышло, – обернулась и села на постели. В глазах – ехидная радость. Всё прошло удачно, – продлить будете?

– На сегодня хватит, – нахмурился Михаил. В какой-то мере его угнетала произошедшая неспособность. Несмотря на мерзость и грязь. Переключил эмоции на рабочие моменты. Посмотрел на барсетку – все в порядке.

Стал одеваться. Приведя себя в порядок, сказал, что надо вызвать такси, и набрал телефон Сараева:

– Такси можно к адресу?

Переспросил у Наташи номер дома и сообщил в трубку.

Девушка открыла сок и налила в стакан. Уже не стеснялась. Голая вернулась на постель. Стала медленно пить редкими глотками. Она продолжала насмешливо улыбаться. В полной мере разглядывая клиента и представляя, как расскажет своим подружкам о его странностях.

– Шоколадку можно забрать? – хихикнула она. – Я старалась!

– Конечно, – улыбнулся Михаил. Подумал, что вряд ли она успеет её съесть.

Взяв сумочку, Михаил открыл дверь и выглянул в коридор. Охранник жестом остановил его, выпуская старикашку-маньяка из квартиры, гремел множественными засовами.

Как только звякнула последняя щеколда, дверь распахнулась, стукнулась о косяк. Чёрная масса заполонила проем, проникла внутрь, расплющила охранника и старикашку по стенам. Гулким топотом и металлическим бряцанием заполнила коридор. С грубыми разноголосыми воплями «работает спецназ» распалась на множество тел, рук и ног. Стремительно мелькнула во всех направлениях. Толкнула Михаила в грудь, и он упал спиной на постель прямо к обнаженной Наташе. Та вскрикнула и прикрылась покрывалом. Шоколадка выпала из рук. Один из бойцов приказал Михаилу сесть на корточки к стене. Наташа начала быстро одеваться, судорожно путаясь в колготках, лямках бюстгалтера и рукавах кофточки.

Стали заглядывать оперативники. Вскоре пришёл Сараев и увел Михаила с собой.

Глава 11. Воспоминание

Неожиданно Диана застонала во сне, начала плакать, вскрикивать. Её тело, свернувшееся калачиком в объятиях Михаила, стало периодически вздрагивать. Он открыл глаза. За окном яркое южное солнце, в комнате – душно. Осторожно погладил девушку по волосам, и она вытянулась, затихла. Взлохмаченная головка продолжала лежать на большом мужском плече, точно огромный эполет с чёрной бахромой.

Неожиданно Диана приподнялась. Стала хлопывать грудь, шею. Почувствовав кулон, успокоилась. Снова легла, скрыв его в кулаке. Прижалась сильнее, чуть приоткрыла глаза, полные слёз. Громко шмыгнула носом, всхлипывая. У неё началась икота. Михаил заволновался – быть может, он стал причиной расстройства Дианы, её истерики? Повернулся на бок, чтобы полнее ощутить вздрагивающее тело девушки, обнял, пытался помочь успокоиться. Положил ей под голову свою большую ладонь. Чуть приподнялся, опершись на локоть.

– Это они меня вспоминают, – плаксиво застонала Диана, снова икнула. – И я о них думаю. По ним скучаю, по России, по Цхинвали. Как сейчас всё стоит перед глазами...

Михаил замер, сосредоточенно слушая. Смотрел ей в глаза.

– Все случилось в ночь на восьмое августа. Я – старшая. Вечером спокойно уложила братьев и сестёр спать, сама тоже собиралась лечь. Малышке Еве – всего два годика. Мать на ночном дежурстве – операционной сестрой в больнице. Отец на посту. В двенадцать часов ночи раздался первый взрыв. Я подумала, что это очередная провокация со стороны Грузии. Решила, что обстрел скоро прекратится. Но выстрелы перешли в канонаду, и я поняла – началась война. Дом шатался. Мы жили на четвертом этаже. Подняла детей. Быстро оделись и побежали в подвал соседнего дома. Там было очень холодно и сыро. Набралось человек тридцать.

– Это война в 2008? С Грузией? – уточнил Михаил.

Диана согласно мотнула головой. Шмыгнула, вытерла рукой нос:

– Я очень переживала за детишек. Родителям друзья давно предлагали уехать в Россию. Но мы думали – обойдется. Не могу себе этого простить! В страхе просидели до утра, дети плакали, не понимали, почему им приходится сидеть в темном подвале. Всем тяжело было. Да и я устала сильно.

Евочка с испугу в штанишки напустила. Стала подмывать ее холодной водицей. Она – хныкать. Не выдержала я, затмение какое-то нашло, сорвалась – шлёпнула её по розовой попке. Малышка – реветь. Я снова поддала. Она громче. Я – ещё и еще... Не могла удержаться...

Бабки тут зашумели – за что я её луплю? Разве она виновата?..

Очнулась я – за что? За голод и холод? Что нет горячей воды? За что я её? Такую маленькую, беззащитную. Мою любимую! Платьице на ней было белое в красную клубничку. И так красиво нарисованы, что малышка изредка забывалась и подол платьица в ротик совала. Сосать пыталась. Приходилось отвлекать.

Я решила подняться в дом, принести тёплое одеяло и хоть какую-нибудь еду. Когда уже спускалась по лестнице, раздался мощный взрыв. Меня отбросило к стене, я упала и потеряла сознание.

Очнулась, ужас! Вокруг – темно, разрывы не прекращаются. Попыталась встать, но не могла, ногу придавило обломками стены. Начала звать на помощь, очень испугалась. Думала – все, это конец, больше никогда не смогу увидеть своих родителей, братьев и сестёр. От этих мыслей я зарыдала. Не знаю, сколько времени прошло. Попыталась выбраться, но от боли снова потеряла сознание.

Когда пришла в себя, поняла, что могу так умереть, если никто не придёт на помощь. Стала кричать изо всех сил. Меня услышали военные. Вытащили из-под обломков. Раны были

открытые, сразу сильно пошла кровь. До этого – камни пережимали. Кое-как зашили, перевязали. Вот видишь, осталось!

Диана повернулась бедром. Вдоль голени шел длинный неровный шрам, точно бугрился шнур под кожей.

– Вот почём брюки ношу постоянно... Хотели отвезти в больницу, но я всё время кричала, что у меня в подвале дети, и мне разрешили идти. Они думали, что я сошла с ума – откуда дети в таком возрасте! Не стали связываться.

Когда спустилась в подвал, все удивились, что Ева не со мной. Думали, я её забрала. Мы никогда не расставались. Стали искать. Чуть с ума не сошла... Она, видать, за мной вышла... А потом все же – сошла... Увидела знакомые зелёные кроссовочки, из-под завала торчали. Словно травка пробивалась, а по ней струйки крови – красные полосы шнурков. Бросилась откидывать куски цемента. Тяжеленные, связанные арматурой. Ногти все поломала, пальцы – в кровь. Кто был – помогали. Только ножки показались – начался обстрел. Меня в подвал тащат, я ору. Перед глазами – как по попке сестрёнку шлёпаю, а она плачет. Дальше не помню. Очнулась – лежу, люди как тени, свечи горят. Еды нет. Телефон разряжен. Думала, родители погибли. Мне было девятнадцать.

Молились Богу, чтобы спас. Всё происходило в темноте. Жуткое бормотание, под звук разрывающихся снарядов. Кругом гремит. Осыпается. Сидели, не шевелясь, дрожа от страха, вздрагивали при каждом разрыве, опускали голову в колени, затыкали пальцами уши, зажимали глаза. Думала, что сейчас накроет, это конец. Ад!

Когда вышли, вокруг – руины. Посмотрела на свой дом, где находилась квартира, – полностью разрушен. Сгорел. Идти некуда. С детьми вернулись в подвал. Все плакали. Мать с отцом нашли нас через сутки, принесли воду и еду. Вместе просидели там еще несколько дней, спали на досках. Мои раны продолжали кровоточить. Бинтов – поменять повязку – не было. Потом пришли русские. Диана уткнулась в грудь Михаилу. Икать перестала. Лежала тихо, прижавшись, словно боясь, что кто-то услышит, тут же начнется стрельба, канонада, смерть.

Михаил подумал, что люди постоянно бегут от войны – каждый от своей...

– Меня отправили в российскую больницу – раны стали гнить, началась гангрена. Думали ампутировать ногу. Сделали несколько операций. Вроде зажило.

В первый раз после операции проснулась от луча света, бьющего по глазам. Оказалось – бабушка-санитарка подушку мне поправляет. Кулончик её свесился и на солнышке играет. Стреляет зайчиками. Улыбнулась – вспомнила, как в детстве шалили, слепили друг друга. Разговорились. Хорошая старушка оказалась, душевная. Позже рассказала я ей, как свою сестрёнку загубила, что не могу вернуться домой. Добрая была бабушка, сняла веревочку с головы и мне подарила тот кулончик. Я брать не хотела. Спрашивала – как же она? А бабушка отвечала, что Бог этот теперь у неё внутри живет. Перебрался. А мне Будда поможет домой вернуться... Вот и храню. Не верю, но храню. Добрая была нянечка. Слова её крепко в душу запали.

Она достала кулон. Медная фигурка сидящего человечка. Ноги скрещены, поджаты под себя. Руки на коленях. Голый живот с пупком. Лицо круглое, щекастое – улыбается. Поднесла к губам, поцеловала:

– Верни меня, пожалуйста, домой... – замерла. Затем продолжила: – Ещё мне постоянно кажется, что вот-вот что-то взорвется. Иногда просыпаюсь и не понимаю, где нахожусь. Открываю глаза, вижу белый чистый потолок и ужасаюсь. Понимаю, что это не подвал, а значит, защиты нет. Вскликаю, начинаю искать детей и не нахожу, постепенно прихожу в себя. Во сне часто разбираю завал, тот, у дома. Вижу зелёные маленькие кроссовки, шнурочки алые, но никак не могу до них дотянуться. Кажется, вот возьму в руку, и всё будет хорошо. Но не получается. Так и просыпаюсь. В душе горечь.

У меня тогда был российский паспорт – многие не меняли. Некоторые старики даже жили с советскими. В Бразилии нефтяником работал отец подруги. Она давно звала меня с собой. После выздоровления я уже не сомневалась.

– И, что же ты, никогда не вернёшься домой?

– Не могу, понимаешь? Евочку я у них забрала, сгубила... Как сейчас помню их удивлённые лица... – на глазах Дианы выступили слезы. – Не могу без неё вернуться. Брат Авдан – значит семеро, понимаешь? Семеро. Колыбель...

Она посмотрела туманно, словно из глубины своих далёких воспоминаний. Но неожиданно взгляд просветлел – она узнала Михаила. Вздогнула. В глазах промелькнул влажный луч нежности, надежды и страдания, наполненный чем-то жгучим, щемящим, проникновенным. Она заключила в ладони лицо Михаила. Едва улыбнулась.

И в мгновение он понял, что любит её больше всего на свете. Потому, что кроме их двоих, нет сейчас никого в этом мире несчастней. Сжатых горем невозвращения, удушенных единой тоской по родине, колыбели... И это было больше, чем любовь, потому что для них она была синонимом жизни, становилась спасением...

Он накрыл её тело своим и, внезапно ощутив всю глубину проникших в душу чувств, беззастенчиво зарыдал, безмолвно всхлипывая и вздрагивая, как большой ребенок, совершивший нечто ужасное. Осознавший тяжесть проступка и вымаливающий прощение у какого-то своего, только ему известного божества, неведомого никому.

Она гладила его по голове, целовала в лоб:

– Милый, милый, ну что ты! Не надо. Нам хорошо вдвоём... Ведь хорошо? Да?..

А потом они просто лежали рядом, и каждый думал о своём, но очень похожем.

Диана очнулась первой:

– Мне завтра на работу... Слушай, а поехали со мной! Ты чем занимаешься здесь?

– Так... ничем, – Михаил подумал, что вряд ли эта бедная девочка сможет ему навредить. – Вот... хочу найти что-нибудь...

Диана неожиданно соскочила. Подобрала с полу свой халат, завернулась в него и уселась верхом на Михаила. Громко шмыгнула, утерла полую нос, смахнула ладонями слёзы. Нагнулась. Стала целовать его лицо. Но совсем не грубо, как ночью, а чувственно с нежностью, призывно. Говорила, захлёбываясь словами:

– Миленький, миленький мой, поехали со мной! Только не отказывайся. Ради Бога не отказывайся! Я работаю на пароходе в Манаусе. Поговорю с капитаном. Он добрый немец. Возьмёт тебя. Так надоели эти иностранцы. Особенно чёрные. Я их уже ненавижу. Ненавижу. Все воняют этим... африканским мускусом. Поехали, ну пожалуйста, милый мой великан...

– Что я там буду делать, на вашем пароходе? – сомневался Михаил. Представил свое огромное тело в маленькой каюте, в узких коридорах надстроек, на шаткой палубе и качающемся трапе. Снова нахлынуло привычное смущение.

– Я там поваром работаю, будешь моим помощником. Ганс давно помощника ищет. Да чтобы поздоровее, в случае чего был грузчиком и охраной. Пиратов побаивается. В верховьях Амазонки бывают...

– Что настоящие пираты? В наше время? Как у Африки?

Диана почувствовала, что перестаралась с информацией, улыбнулась:

– Да нет! Это так – оголодавшие индейцы... Если смотрят – на пароходе одни бабы да хилиаки. Так ночью могут забраться, провизию стащить. Кто их там в джунглях будет искать? – весело засмеялась, почувствовала, что уговорила. – Испугался? Не дрейфь! Посмотри в зеркало. Ты же буйвол! Восемь секунд, и все повержены!

Она хитро сощурилась, намекая о ночном родео. Угрюмость исчезла.

Зато Михаил всё более начинал комплексовать, чем ближе ощущал своё согласие.

– Ну, а вам приходилось с ними сталкиваться или видеть?

– Не-а!

– Ну и врунишка ты! Ну и врунишка!..

Михаил стал пружиня сгибать колени, пытаясь шутя опрокинуть Диану. Он был согласен, ничего другого не оставалось:

– А как с немцем общаться?

Диана поняла, что уговоры подействовали. Стала сама подпрыгивать, упираясь коленями в матрас, легко отталкиваясь задницей от ног Михаила:

– На ан-г-лийск-ом! На ан-г-лийск-ом. Он хо-ро-шо его зна-ет!

Во время очередного толчка Михаил не рассчитал и, сильно подскочив, Диана плюхнулась ему на грудь. Обнял её, чтобы не свалилась, прижал, поцеловал в волосы.

Ему вдруг показалось, что они остались вдвоём посреди этой огромной красивой, но чужой приютившей страны. Среди взмывающих из океана гор. Ласкающего солнца и безбрежного моря. Словно на необитаемом острове. Одни, как отвергнутые жизнью. Преследуемые неприятностями. Загнанные в этот случайный рай горем.

Он раскинул руки и внезапно осознал, как привычная стеснительность от собственного великаньего объёма растворилась. Ему впервые захотелось стать еще больше, чтобы обнять эту милую девочку всю – от макушки до кончиков пальцев ног. Прикоснуться одновременно ко всем участкам её тела, ощутить, как они дрожат от прикосновения как трепещут и эхом отзываются в его большом теле. Обнять как случайно образовавшийся островок Родины. Услышать в ней всех исчезнувших для него женщин России, которые готовы понять и простить.

Внезапно представив иное, ужаснулся, осознав, что Дианы завтра не будет рядом, а только чужая, непонятная, бесчувственная страна. С той воображаемой мучительной тоской он обхватил девушку, скинул халат и затащил под одеяло. Прижал к груди. Почувствовал, как она резко задышала, скользнула под него рукой и попыталась перевернуть. Он понял и, приподнявшись на локте, оказался сверху. Вздрыгнул, впервые испытав, как забилося под ним её тело, задрожало, вытянулось в струну. Хотелось вдавить его в матрас, сжать изо всей силы, растерзать. Он обхватил её голову и накрыл ртом беспомощные женские губы...

Когда солнце на улице уже раскалилось, раздался звонок и появился брат Дианы. Улыбающийся и довольный, без шляпы. Они сидели за столом и пили кофе.

– Вижу, ты своё сомбреро на бразильянку променял, – усмехнулась Диана, а шлем где?

– Всё спёрли черти, пока я самбу отплясывал. Зато чёрненькая была что надо! – загадочно усмехнулся он. – Всю ночь на пляже провели.

– Красивая?

– Так себе. Красивых мужики охраняют. Не подойти. Продают, правда, недорого – за пятьдесят баксов. Но у этих горилл такие физиономии. Так смотрят, словно сами тебя хотят! Можно только догадываться! Попадись им... Порвут, как Тузик грелку... Зато бёдрами девчонка крутила! Как крутила! Ого-го...

– Давай, перекуси. Думаю, что ты уже наотдыхался. Сегодня последний день – экскурсии! – остановила его сестра.

– Может, не надо? – Авдан принялся сладко зевать, глядя через дверь на неубранную постель под балдахином.

– Надо! Когда ещё ко мне приедешь. Хоть родственникам расскажешь. Фото покажешь. Не для игры же я тебе айфон подарила! Отоспишься в самолёте.

Брат хмыкнул, но спорить не стал. Налил себе чай и сделал пару бутербродов.

– Сначала поедem к Христу-Искупителю! – торжественно произнесла Диана, когда все были в сборе.

– Грехи замаливать? – пошутил Михаил. Шутка не удалась – Диана с братом молчали. Только в глазах на несколько секунд появилась грусть.

Передалось и Михаилу. Подумал, что еще день назад был испуганным беспомощным котенком в этом незнакомом городе. А теперь изображает из себя туриста, приехавшего поглазеть на местные достопримечательности. Как бы снова не попасть в полымя! Шутки беглецов всегда смесь иронии и отчаяния...

– Ну что, готовы? – бодро спросила Диана, когда все уже собрались. – Тогда пошли!

Недалеко от дома она поймала такси, и через несколько минут подъехали к небольшому вокзалу. Народу было много. Красные миниатюрные трамвайчики из нескольких вагонов уходили вверх по склону. К ним вёл турникет. Отлучившись на несколько минут, Диана вернулась с билетами. Было нестерпимо жарко. Спасала крыша вокзала. Судя по цвету кожи, вокруг топтались люди со всего мира. Потели все одинаково. Пахли по-разному. Обмахивались журналами и панамками. Пили воду из маленьких бутылок, ели мороженое. Стоял гвалт как на базаре, словно шла активная торговля. Периодически молодые люди в одинаковых ярких футболках сопровождали небольшие группы инвалидов – те ехали без очереди в электрических колясках. Гуськом. Не отрываясь от ведущих – как за уточкой-мамой.

Через полчаса Михаил с Дианой и её братом оказались внутри трамвая. Сели на места. Стоять запрещалось. Укомплектовавшись, транспорт пошёл вдоль склона, неторопливо поднимаясь в гору.

Слева за окном вздымалась каменная порода, редкие растения, осыпь, прижатая сеткой. Справа – пальмы, лесопосадки. На ветках деревьев незнакомые пёстрые птицы. Может – попугаи, но каркают как вороны. Прячутся за стволы тупорылые черномазые пушистые зверьки с белыми ушами и пятном на лбу, любознательные подвижные глазки – круглые, как у совы. По мере продвижения, деревья уходили вниз. В окнах появлялись разлапистые верхушки пальм. Сквозь них мелькали, уходящие вниз постройки. Затем на горизонте открылось синее море между вздымающихся из воды гор. Полоска пляжа. Параллельно – шоссе. Перед ним в ярком солнечном свете, белая сверкающая россыпь – здания, словно кристаллы соли. И уже ничто не мешало видеть, где океан сливался с небом.

Небольшой эскалатор, несколько ступеней, и они стояли перед Христом, встречающим с распростертыми объятиями.

– Какой он маленький, – огорчился Михаил.

– Ты что! – возмутилась Диана. – Сорок метров высотой!

– Наша Родина-мать в Волгограде без подставки более восьмидесяти. А здесь один постамент на треть! Надо же, а как смотрится! И в фильмах так покажут – просто громадина.

– Ну да, все удивляются. Наверное, впечатление складывается от того, что стоит на горе! А вокруг море.

Брат Дианы бегал с айфоном.

– Встаньте поближе друг к другу! Вот сюда, против света...

– Меня снимать не надо! – заявил Михаил, – Давай, лучше я вас.

– А что так? Смущаешься?

– Сглазить боюсь.

Всё вокруг было залито солнцем. Палило нещадно. Скрыться некуда. Михаилу вдруг показалось, что его пребывание здесь похоже на паломничество. И эта гора словно Голгофа, куда его, как мученика, загнали жизненные обстоятельства с непомерным грузом нерешаемых проблем. Быть может, всё это не зря. И случившиеся совпадения в виде грабителей, карнавала, знакомства с Дианой – не просто так, а медленно подводят его к самому откровенному – признанию. В России в церковь не ходил, так может, здесь научиться?

И вот он стоит перед величественной громадиной Христа, раскинувшего руки в безоблачной вышине. Способного объять весь мир, всех нуждающихся и прибывших грешников, выпрашивающих прощение. И надо только пойти навстречу, открыть свою душу...

Но нет. Не получается. Вокруг, как на базаре, суется народ. Фотографируют себя, друзей, город и открывшуюся перспективу океана. Лезут на ограждение, ложатся на ступени лестниц – лишь бы поймать нужный ракурс. На лотках – сувениры. У подножия – кафе, разносят пиво, орехи, бутерброды. У постамента – два бюста. Один в шапке, другой – без. Как отрубленные головы еретиков. Выставлены на обозрение неисправимым грешникам: так поступят и с вами...

Следующая достопримечательность была гора Сахарная голова. Отвесные стены почти без растительности. Напоминала купол, торчащий из океана. Точно шлем конкистадора. Поднимались на фуникулере. Видел его, когда на автобусе ехал из аэропорта. Михаил никогда не катался на таком транспорте. Подумал, что тот похож на трамвай, только без водителя и раскачивается сильнее... Рельсы вверху в виде толстого троса.

Высота горы пониже, чем у Христа. Страх не было.

Он стоял около окна и, глядя вниз на маленьких человечков, игрушечные машины, думал, что всё может произойти в одно мгновение. Не выдержит опора или какое крепление. Вагончик грохнется вниз, и куча проблем будет решена. Удовлетворённо вздохнёт мафия – не надо никого искать. По телевизору скажут, что он погиб в результате катастрофы. Родителям переведут кучу денег, на которые они благополучно доживут старость. Лили останется квартира и машина. А Полинов – окажется единственным владельцем фирмы. Быть может, он и сейчас уже не бедствует. Расплатился, и теперь каждый месяц передаёт долю за покровительство. Не зря же полковник Агошков, который делился доходами с заместителем прокурора города и прикрывал подпольный игорный бизнес в Питере, оказался знакомым Серёги. Может, они нашли уже общий язык. В любом случае Михаил не был нужен никому.

Он снова приготовился к смерти. Но где-то в глубине души чувствовал, что у природы и техники к нему претензий нет. Волна не унесла, фуникулёр не упал... гибель принесут люди!

Глава 12. Скрытая угроза

К четырем утра мероприятие было закончено. Все собрались в кабинете уставшие, но довольные. Всё получилось. Никто не успел предупредить преступников, и доказательства были собраны полностью.

Теперь отставники давали письменные показания о том, что произошло. Оперативники записывали, оформляли протоколы.

Сараев был доволен. Уже по первым результатам можно было судить – операция прошла успешно. Меченые деньги изъяты, непосредственных организаторов задержали на месте.

Стол с закуской и спиртным не пустовал. Появился чайник с кипятком. Можно было переключиться с алкоголя. Периодически сотрудники делали перерыв, подходили выпить чаю или кофе, положить в рот бутерброд.

Через некоторое время появились коллеги из технического управления. Забрали у Михаила барсетку распрягли от проводов Сивакова и Полинова. Проверили запись на своем приборе. Сообщили, что всё в порядке и на днях пришлют полученные материалы.

Михаил чувствовал себя хорошо, приятное лёгкое опьянение не проходило. Он уже забыл те неприятные ощущения, случившиеся в притоне. По опыту работы знал, что предстояло ещё два основных этапа. После возбуждения уголовного дела подтвердить свои показания следователю, а затем выступить свидетелем в суде. Конечно, возможны очные ставки и опознание, но это – как пойдет следствие. Обычно, понимая, что смысла запираяться нет – преступники рассказывали всё сами. Шли на сотрудничество. А тут состав преступления был налицо.

Полинов веселился. Рассказывал, как развёл подпольных букмекеров, долго торговался, пока выяснил все обстоятельства. Как устроил скандал, чтобы появилось начальство. А когда хозяева увидели, что гость не унимается, пригласили свою «крышу» – местного начальника отделения. Целый полковник приехал. Ещё заспанный – видать, подняли с койки. Его ругань тоже попала в запись. После чего Сергей смирился, сделав ставки мечеными деньгами, проиграл и удалился. Полковник был рад, что помог. Быть может, его ожидала премия. Но получить её не успел. Начал работать «Тайфун». И, судя по всему, дело может уйти в прокуратуру по подследственности.

В отличие от Сергея, Сиваков был грустен. Пока Полинов рассказывал Сараеву и его коллегам о своих приключениях, Николай отозвал Михаила в сторону. Зашептал:

– Что-то меня сомнения берут. Ребята могут не потянуть. Управляющий казино хватался – врал или нет. Знаешь, кому платят все подпольные игровые клубы?

– Кому? – поинтересовался Михаил.

– Агошкову!!! Заместителю начальника ГУВД.

Михаил недоверчиво усмехнулся:

– Что, сам приезжает?

– Да нет, конечно... Через сотрудников... Есть такое подразделение по административным правонарушениям – они и стригут. По двести тысяч деревянных с точки... каждый месяц! А тот заносит заместителю прокурора города по фамилии Кикоть. Не слышал такого?

Михаил посмотрел по сторонам, точно кто-то мог подслушать.

– Знаю... встречались на заслушивании, но давно. Молодой сопляк. Мне кажется, его куда-то перевели. Батя в Москве высоко сидит. А ты Сараеву сказал?

– Нет ещё. Думаешь, надо? Не испугается? А если враки?

– Надо сказать, пусть имеет в виду. На всякий случай. Лучше перебдеть!

Сараев сам заметил серьёзный разговор приятелей. Подошёл:

– Ну что шепчетесь? Делитесь впечатлениями?

Михаил вполголоса передал ему услышанное. Сараев задумался, повел бровями. Но затем улыбнулся:

– Наше дело правое. Прокукарекаем – и дело в следствие. А там уже пусть сами решают. С нас взятки гладки. Если что – прикинемся дурачками, мол, не поверили слухам.

– Ну да, – подтвердил Михаил, – нам не привыкать. Помнишь, как бывший начальник управления Кеменев своих мошенников выгораживал, которые в автосалоне людей кидали. Хотел Франчука сгноить, чтобы не лез. Дело тормозил. Как только в Москву ушел на повышение – всех его корешей и арестовали – недавно в газетах писали. Скоро суд.

Николай поморщился:

– Что про эту погань вспоминать. Пойдем лучше выпьем, да и по домам пора, отдыхать.

Все вернулись к столу. Полинов продолжал развлекать молодых оперативников старыми байками. Сараев погрузнел, задумался. Хотя старался это не показывать. Сам принес коньяк и разлил по стопкам, улыбнулся:

– Давайте, за тех, кого с нами нет. Третий тост пропустили, так хоть сейчас вспомним.

Все встали. На несколько секунд замерли. Выпили, не чокаясь. У каждого было о ком подумать.

Глава 13. На Амазонке

Брата Дианы проводили поздно вечером. А в обед уже летели в Манаус. Чтобы Михаил подучил английский, Диана предложила общаться только на нём. Возражений не поступило.

– Какой большой самолёт! – удивился Михаил. – Я в Рио летел на меньшем. А тут в провинциальное городишко такую громадину послали. И главное, все места заняты!

– Ха-ха! – рассмеялась Диана. – Манаус, конечно, меньше Рио, но если сюда прибавить всю Амазонию, так народу будет не счесть! Крупнейший бывший центр работорговли. Негров из Африки именно сюда везли.

– Надо же! А девали-то куда такое количество?

– Темнота! – Диана усмехнулась. – Плантации каучука – вот куда. Каучуковая лихорадка – слышал такое?

– Ну, примерно... – скучился Михаил. Он слышал только о золотой.

– Так вот, это здесь начиналось. Манаус превратился в один из богатейших, роскошных городов. Даже оперный театр построили в 1896 году. Из Европы приезжали звезды.

– И что же случилось?

– Как всегда – обман, воровство, называется бизнес. Вроде англичане выкрали семена геви и распространили в своей колониальной Малайзии. А потом уже в Азии и Африке... Вот так и опустили первооткрывателей...

– Да, – Михаил задумался, – не уберегли свое богатство. Так и он. Зачем полез в эту ментовскую разработку? Чего не хватало? Всё было. Нет, попросили помочь, так помчался со всех ног, ещё и друзей сагитировал.

Самолёт плавно приземлился в аэропорту. Вышли в терминал. Диана направилась на автобусную остановку. Михаил – следом. Нес её чемодан и свою сумку. Думал – хорошо, что не надо, как раньше, плутать, что-то искать, пытаться выяснить или спросить. Есть она – женщина-путеводитель. Буйвол, который посадил Михаила на себя и повез. Идя сзади, он иронично подумал, что Диана снаружи даже ничего: стройна, и пластична. Джинсы обтягивали её крепкие ягодички. Те не вздрагивали, как при ходьбе на высоких каблуках, а мягко перекачивались, слегка наезжая снизу одна на другую, увлекаемые трущимися ляжками. Правда, ноги коротковаты, но это можно списать на любимую обувь Дианы – кроссовки.

На такси добрались до отеля «Tropical Manaus». Снаружи похож на форт. Оставив Михаила у дверей, Диана спустилась вниз по склону. Там текла темная, с фиолетовым отблеском, река шириной с километр. Сквозь деревья просвечивала короткая, убранная в цемент набережная и небольшая пристань. Около неё качались на воде разноцветные кораблики, каких раньше Михаил не видел.

Диана появилась через полчаса и сообщила, что Ганс прибудет завтра утром. А пока они на сутки снимут гостиницу. Поедут в город, поедят и погуляют.

Михаил не возражал.

Внутри отель соответствовал своему внешнему виду. Длинные коридоры, высоченные сводчатые потолки. Справа и слева толстые дубовые резные двери под три метра. В номерах маленькие окна-бойницы. Наполнение современное: кондиционер, телевизор, холодильник, душ...

– Пойдём, что я тебе покажу, – хитро улыбаясь, предложила Диана, когда вещи были разложены по шкафам.

– Пошли, – согласился Михаил, – надеюсь, это не родео?

– Нее... – здесь всё больше рыбный промысел.

Они вышли во внутренний двор, и Михаил увидел небольшой рекламный щит с нарисованной мордой тигра и надписью на английском «Зоопарк». Очень удивился, огляделся по сторонам:

– Нас не съедят?

– Нет, они в клетках.

Действительно среди лиан и густой листвы были замаскированы клетки с обезьянами, хищниками, попугаями и другими причудливыми животными.

– Раньше этот дом принадлежал богатому португальскому конкистадору. Изощрялся как мог! Богатство некуда было девать. Это его личный зоопарк был.

Осмотрев животных, Диана вывела Михаила к небольшой площадке, выложенной плиткой. В центре – бунгало. Продаются напитки и лёгкие закуски. Вокруг лавочки. Вровень с полом множество бассейнов, наполненных водой. В них – стаи разноцветных рыб. Диана села на небольшой парапет, огораживающий самый большой бассейн.

Михаил устроился рядом. Посмотрел в воду. В прозрачной глубине среди растений неподвижно лежали тёмные валуны до метра в диаметре. На поверхности плавали красочные купальники и лилии. Михаил наклонился и опустил руку в прохладную, чистую воду. Потрогал скользкий зелёный мох на поверхности булыжника. Неожиданно тот стал двигаться к краю бассейна. Из-под него высунулась голова величиной с кулак. Выпученные глаза по краям и два сопящих отверстия в центре. Открыла пасть. Это было так неожиданно, что Михаил отшатнулся. Соскользнул с парапета, присев на корточки рядом. Продолжал опасно глядеть на животное. Диана хохотала:

– Ты молодец! Реакция есть. Знаешь, как эта черепаха кусается! О-ёй-ёй!

– Догадываюсь! – Михаил с удивлением глядел на высунувшуюся из воды верхнюю челюсть черепахи, оканчивающуюся клювом, подобно орлиному, только гораздо мощнее.

Земноводное явно не желало уходить в глубину, пока что-нибудь не окажется в его пасти.

– Они из воды случайно не выпрыгивают? – поинтересовался Михаил, добавил в шутку: – Быстро бегают?

– Тебя не догонят, – усмехнулась Диана, – поехали в город. Надо перекусить. Покажу местную достопримечательность, о которой говорила.

Они направились к остановке. Здесь было еще жарче, чем в Рио-де-Жанейро. Воздух более влажный. То ли от реки, то ли от близости экватора. Но Диана, словно не замечала духоты, выбрала для поездки обычный рейсовый автобус, старенький и набитый пассажирами. Сильного интереса у аборигенов Михаил не вызвал. Только детишки с удивлением поглядывали на белокожего великана. С опаской пытались прикоснуться к ногам.

Оперный театр располагался на центральной площади. К нему поднимались с разных сторон четыре широкие лестницы с балюстрадами из белоснежных балясин. Каких-либо афиш не было. Внутри красные ковровые дорожки. Металлические столбики ограждений с бархатными канатами определяют направление движения посетителей. Отделка внутри королевская – сусальное золото, ковка, мрамор, хрусталь – все привозное.

Михаил подумал, что этот храм искусства выглядит круче Мариинского театра оперы и балета в Питере. Интерьеры создают иллюзию старой доброй Европы. Кругом античная мифология, греческие маски. Четыре яруса балконов с коринфскими колоннами венчает воздушный купол. В фойе висят портреты выступавших знаменитостей, среди них Анны Павловой и Энрике Карузо.

– Можно забыть, что в паре километров отсюда на воле резвятся крокодилы! – пошутил Михаил. – И что, театр действующий?

– Говорят, что действует, но я ни разу не попадала на представления. Слышала, что в труппе много белорусов.

– Каких белорусов? – не понял Михаил.

– Ну тех, что из бывшего СССР.

– Что, Леонид Борткевич со своими «Песнярами» здесь «зажигает»? У них голоса – что надо!

– Не знаю... так говорят!

Погуляв по городу, они вернулись в гостиницу. Решили сходить на местный пляж. Переоделись, обернулись полотенцами. Спустились по каменной лестнице. Сняли обувь. Песок был мелкий и горячий. Скрипел под ногами. На мелководье барахтались несколько человек. Рядом смуглокожие детишки строили пирамиды, переворачивали пластмассовые формочки, лепили куличики.

«Люди везде одинаковые, – подумал Михаил, – хотят мира и благополучия – просто жить!»

Вода в реке была прозрачная, но темная.

– Что, вся Амазонка такая? – спросил Михаил.

– Нет, это Риу Негро. Она чуть ниже впадает в Амазонку. Та светлая, течет по известняку.

– А эта?

– Эта из болот. Туда туристов и возят. Где всякая нечисть водится: лешие, кикиморы болотные, вурдалаки...

– Не надо русские сказки сюда приплетать! – усмехнулся Михаил. – В Бразилии своих чудищ хватает. Более реальных: крокодилы, пираньи, анаконды, пауки всякие, брр...

– Да ладно тебе верить сплетням! Вон какой ты большой, пока там тебя съедят!

– Да эта анаконда корову заглатывает за раз!

– Ну если боишься – можешь сидеть на берегу.

Диана скинула полотенце и, оставшись в узком купальнике, вошла в воду. Михаил сел на песок. Жара была нестерпимой. Глядя, как беззаботно плещется девушка, Михаил почувствовал зависть. Хотелось забыть все неприятности. Оставить проблемы в прошлом. С чего-то начать. Встрепенулся и тоже бросился в реку. Приготовился с разгону нырнуть, но вовремя сообразил, что берег слишком пологий, и пробежав подальше просто упал на воду, раскинув руки. Оттолкнулся ногами, поплыл до ограждений – красных больших буйков. Решил измерить глубину. Оказалось – по грудь.

Вода была фиолетовая, неприятная. Слегка пахла болотом. Подумал – если какая тварь подплывет – и не увидишь. Специально огораживают только узкий кусочек реки, чтобы акулы не заплывали. От собственных мыслей стало жутко. Разгребая руками, быстро направился к берегу и, только оказавшись на суше, – успокоился. Лег на горячий песок.

Вечером из номера Диана созвонилась с Гансом и договорились встретиться утром. Ночь была бурной. Радость Дианы не знала предела – вот он настоящий мужчина, с ней! С ней! Не надо отворачиваться, закрывать глаза, не дышать носом в объятиях чернокожих. Не надо ускользать от назойливых взглядов Ганса. Теперь у неё русский настоящий мужчина, и она хотела обладать им так, чтобы он забыл про всё, кроме неё. Прогнать его непонятную грусть.

Переполненная желанием, она вздрагивала при каждом его прикосновении, не в силах сдерживать стоны, была готова разорвать его на части.

После завтрака спустились вниз к причалу. Прямо у пирса стоял небольшой трёхпалубный кораблик. Белый с чёрными леерами и аналогичной окантовкой надстроек. По борту – надпись «Amazon clipper». Амазонская машинка? Издали казалось странным, что он не переворачивается – высота судна почти равнялась длине корабля. Действительно напоминал швейную. Неуклюжую. Вид ненадёжный. Стоило приблизиться – с него раздался длинный гудок. Не густой и басистый, а призывный и лёгкий.

«Похож на сигнал моего Лексуса» – усмехнулся Михаил про себя.

На палубе стоял загорелый мужчина в камуфляжных шортах и приветливо махал рукой. За кранец на корме крепилась длинная зелёная лодка с мотором.

Поднялись по трапу.

– Это Мигель – произнесла Диана, за руку здороваясь с капитаном.

– Ганс, – протянул руку мужчина. Сощурился, взгляд изучающе резанул из щели между складками набухших век. Под глазами мешки. Нос сливой.

На вид – ровесник, по плечо Михаилу. Лицо помято, точно с тяжелого похмелья. Может, пьяница? Улыбался, надув щёки с глубокими морщинами по краям, показывая белый ряд верхних зубов. Точно обрюзгший кролик. Как только он заговорил, стал серьёзным. Открылись глаза, удивительно яркие, сочные, точно два сверкающих изумруда. Полны решимости и задора. Он обменялся с Дианой несколькими фразами на португальском языке. Та отвечала коротко, кивала головой. Со стороны показалась Михаилу жалкой – уговаривала шефа? Обнял её за плечо, прижал к себе. Готов был защитить, выбросить этого немца за борт, но не знал за что. Гадал.

Диана в ответ подняла лицо. Ласково посмотрела, ободряюще моргнула – успокоила.

Ганс сверху вниз оглядел Михаила. Пошевелил сомкнутыми губами. Причмокнул и на ломанном английском предложил пятьдесят долларов в сутки. Питание, проживание – бесплатно. Делать всё, что потребуется. Если согласен – Диана покажет каюту. Сам отвернулся и пошел к рубке, где его дожидался, судя по измазанному комбинезону, механик.

Михаил вскинул брови в знак вопроса. Диана радостно подпрыгнула, поцеловала его в щёку, хлопнула в ладоши.

– Я же говорила – он отличный мужик.

– Он хозяин? – с сомнением спросил Михаил.

– Нет! Просто наёмный капитан. Рассказывал, что служил в армии офицером. Ушёл на пенсию и купил в Манаусе дом. Выучил португальский. Уже лет десять плавает.

– Что-то рановато они на пенсию уходят, – засомневался Михаил.

– Может, я что-то путаю, – примирительно согласилась Диана, – мы немного общаемся. Только по работе.

– Похоже, что он алкаш.

– Ни разу не видела, чтобы Ганс пил спиртное, и команде запрещает.

Она взяла Михаила за руку и повела к надстройке.

– Эта палуба рабочая. Здесь кухня, наши каюты, вход в машинное отделение. Выше – четыре гостевые каюты, капитанская рубка. Буфет и открытая столовая для отдыхающих. Нам с тобой там делать нечего. Шеф ругается, когда мы общаемся с гостями. Диана открыла дверь в небольшую двухместную каюту с прямоугольным окном.

«Да уж, – подумал Михаил, – не курорт, но одна звезда точно есть».

– Так уж и быть, отдаю тебе нижнюю полку, а то ты ещё провалишься на меня, – игриво заявила она, – хотя я, впрочем, не против изредка!

Помещение было небольшое. Основное место занимала двухъярусная деревянная кровать. Под ней рундук. Справа дверь в туалет, совмещенный с душевой. Всё компактно и чисто.

– Ну как тебе новое жильё? – улыбнулась Диана, после того как Михаил всё осмотрел и разложил вещи по ящикам.

Он пожал плечами.

Сел на нижнюю койку и грустно подумал о перспективах. Вот его уже и зачислили в морскую команду. Определили жалование. Что дальше?

Будут бороздить просторы Амазонки? Водить на прогулки богатых клиентов? Когда-то он и сам так путешествовал в других странах, давал чаевые. Теперь будут давать ему. Как долго? Что потом? Может, не стоило кружить девчонке голову. Что я с ней буду делать. Сожительствовать, как муж с женой? Может она Гансу так и сказала? А как же Лили? Ну, что Лили – жена?

Но как только мысли коснулись России, грусть улетучилась. В душу скользнула радость, осознание того, что здесь его точно не найдут. По билетам проследят путь до Манауса. А дальше всё. Конец! Клиент пропал! Капитан даже паспорт не спросил. Вся ответственность на Диане. Значит, доверяет ей. Конечно – пять лет уже вместе. Вместе? Червячок ревности зашевелился в душе. Он посмотрел на Диану и постарался беззаботно улыбнуться.

Она поняла это по-своему. Устроилась рядом. Обняла за руку. Прижалась головой к предплечью. Зажмурилась. Прошептала в темноту закрытых век:

– Милый, как хорошо! Ты такой уютный. Ты не буйвол. Ты мой телок, телёнок...

Глава 14. Спектакль поневоле

Сараев распорядился развезти пенсионеров по домам. Но пока те ехали в машине, решили заглянуть в гости к Михаилу. Он жил ближе всех. Пьянка продолжилась в студии.

В перерыве, когда Полинов вышел покурить на кухню, Михаил подсел ближе к Николаю:

– Ты пока Серёге не говори про Агошкова. Они вместе безопасность обеспечивали на стадионах. Вдруг враньё? Следствие докажет – тогда другое дело.

– Хорошо, – согласился тот.

Не заметили, как подошел конец рабочего дня. Пора было возвращаться в семьи. Вызвали такси. Николай уехал в Купчино, а Полинов на Юго-Запад.

В семь часов приехала Лили. Сказала, что мать обещала забрать сына и отпустила её допоздна. Михаил был рад и не рад. Ему было приятно чувствовать её рядом. Но в голове мутилось от продолжительного застолья. В желудке было пусто, но есть не хотелось. Пока Лили готовила на кухне ужин, он разделся и лег на кровать. Посмотрел на белый потолок и почувствовал, как плывёт, раскачивается точно лодка с боку на бок. Напрягся, попытался сконцентрироваться на чём-то, но не удавалось. Видать – перебрал. Тогда потянулся к пульту и включил телевизор. Шли вечерние новости. Было всё равно. Попытался сосредоточиться на экране, слушая голос диктора, но от вынужденного напряжения стало еще муторней. Откинулся на подушку, закрыл глаза. И сразу попал в темноту с множеством мерцающих звёздочек. Они начинали вращаться вокруг Михаила, точно он был обездвиженным спутником. В ушах – пронзительный звон, к горлу подкатывал комок. В голову лезли воспоминания. Презрительное лицо сутенёрши, прыщавая задница Наташи, старичок-маньяк. И чтобы вернуться обратно, приходилось открывать глаза. Здесь тоже было не лучше: покачивающийся белый потолок, мерцание телевизора и запах съестного, от которого подкатывала тошнота. Слышалось чьё-то мычание. Михаил снова опускал веки. Пытался шуриться, но это не помогало. Так, переходя из одного мира в другой, он увидел, как подошла Лили, склонилась и погладила по волосам:

– Тяжело тебе, милый... Не надо столько пить! Я приготовила ужин. Ты уже не маленький. Что-нибудь случилось?

От её голоса стало легче. Сообразил, что слышимое мычание – это собственные стоны. Попытался в ответ улыбнуться, но понял, что плохо владеет мимикой.

И от такой собственной неконтролируемости стало вдруг тоскливо и одиноко. Словно окунулся в глубокую старость, и некому подать стакан воды. Да и не только воды, а просто руку положить на лоб. Вспомнились детские годы. Захотелось ласки. Доброй материнской. С такой силой, что вот кажется если не дождётся сейчас – умрёт! К горлу поднялась тоска, стала душить. В подтверждение собственного существования начал вырывать изнутри звуки, скрёб по душе. Хотел что-то сказать громко и отчетливо. Чтобы услышать самому. Почувствовать собственный голос, что он еще крепок и может звучать в этой вращающейся и качающейся кутерьме. Убедиться, что это не бормотание, а осмысленная речь. Что еще вменяем. И в осознании сказанного ощутить жалость к себе. Дать понять это другим, всем вокруг, как ему плохо. Увидеть их реакцию: сострадание и заботу. Разглядеть беспокойство и страх в глазах. И как бы само выдохнулось:

– Ну все, сейчас умру.

Глаза Лили расширились. Но тут же ехидно сощурились – не поверила.

– Неужто так плохо? – ласково спросила она.

– Ой, умру... что делать будешь?

– Что-нибудь дать? – снова озаботилась Лили. – Может тазик?

Михаил отвернулся и застонал:

– Оо-ох... – и затем стал делать это на каждом выдохе, смыкая рот. Старался загнать выталкиваемый поток воздуха как можно выше к пазухам, выпуская через нос. Под конец вытягивая звучание до подскуливания. И удивляясь – как жалобно звучит. Словно щенок призывает.

Лили присела на край постели. Гладила по голове:

– Может, вызвать скорую? Промоют желудок, капельницу поставят и будешь как огурчик.

Михаил отрицательно качал головой. Для выразительности мычал, переходя на стоны. На издыхании шептал:

– Какие врачи, милая? Какая скорая? Пять минут, пять минут осталось. Я умираю... – показывал пятерню с растопыренными пальцами.

Лили снова ушла на кухню. Её поведение совсем не укладывалось в рамки ожидаемого. Могла бы начать целовать, заплакать, признаться в любви, пожалеть. Настойчиво теребить, требуя разрешения на вызов врача.

Для выразительности Михаил закрыл глаза и стал кряхтеть, поворачивался с одного бока на другой – словно места себе не находит от разрывающих организм мучений. Вытягивал или поджимал ноги, резко взбрыкивал, откидывая одеяло. То накрывался с головой и глухо выл под ним. Успел заметить, как Лили выглянула с кухни и снова пропала. А он всё думал – что же она чувствует, продолжая суетиться на кухне. Понимал, что она не может не слышать его стенаний. Но не появляется. Почему? Ведь он был почти искренен!

Переполненный стараниями, терзаемый вопросами, он незаметно уснул.

Проснулся от невозможности повернуться на правый бок. Левая рука словно прилипла к матрасу. Открыл глаза и тут же услышал над собой голос:

– Тише, Миша, тише! Катетер вырвешь!

Увидел улыбающегося Сивакова. Вокруг суетились врачи. Женщина и двое мужчин. Один из которых и держал руку. От неё вверх тянулась прозрачная трубочка. Крепилась к полиэтиленовому мешочку в руках улыбающейся Лили.

– Вы чего делаете? – Михаил был крайне удивлён и возмущен.

– Жив, курилка? – засмеялся Николай. – Я уж думал, и вправду концы отдаёшь, когда Лили позвонила.

– Я позвонила Николаю, – оправдывалась Лили, – увидела, как ты потерял сознание, и очень испугалась.

Глаза её блестели. То ли от ушедших слез переживания, то от задорных издевательских смешинок.

Спорить Михаил не стал. Чувствовал себя бодрячком. Словно только что вернулся из отпуска с Чёрного моря.

Как только врачи ушли, уехал Николай. Затем стала собираться Лили.

– А ты куда? – Михаил сел на постели.

– Мне тоже пора – уже десять. Дома заждались. Где ты был всю прошлую ночь, я не могла до тебя дозвониться!

– Да, так... задание... просили по работе.

– Ты во сне что-то говорил о притоне, о девках с гор. Чушь какая-то! Не надо больше так пить, – она улыбнулась хитро с лукавинкой.

Глава 15. Жизнь на пароходе

Английский Ганса был такой же корявый, как и Михаила. Говорили на равных: не торопясь, поднимая глаза к небу, припоминая, жестикулировали. Старались произносить слова правильно, предварительно обдумывая предложение. Поэтому общаться им было легко. Если случались какие-то загвоздки – подключалась Диана.

Кроме них на судне был ещё индеец-механик. Маленького роста, лет сорока, с круглым мясистым лицом и красной бейсболкой на голове с надписью «Chicago». Надетой козырьком к спине. Ганс звал его Меркель. То ли от уважения к действующему канцлеру, то ли от её любви к Америке.

Через несколько минут капитан заглянул в каюту. Принёс футболку с названием судна. Сказал надеть. Но увидев, как она стала разъезжаться на Михаиле, трещать по швам, махнул рукой. Поинтересовался, как устроились. Получив удовлетворительный ответ, сообщил, что они отплывают на базу, где возьмут необходимые продукты и топливо. Потом за гостями. Рейс десять суток. В верховья Амазонки. После – неделя отдыха, и снова в путь, но уже по Риу Негро. Дальше будет видно. Пока есть заказы, надо работать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.